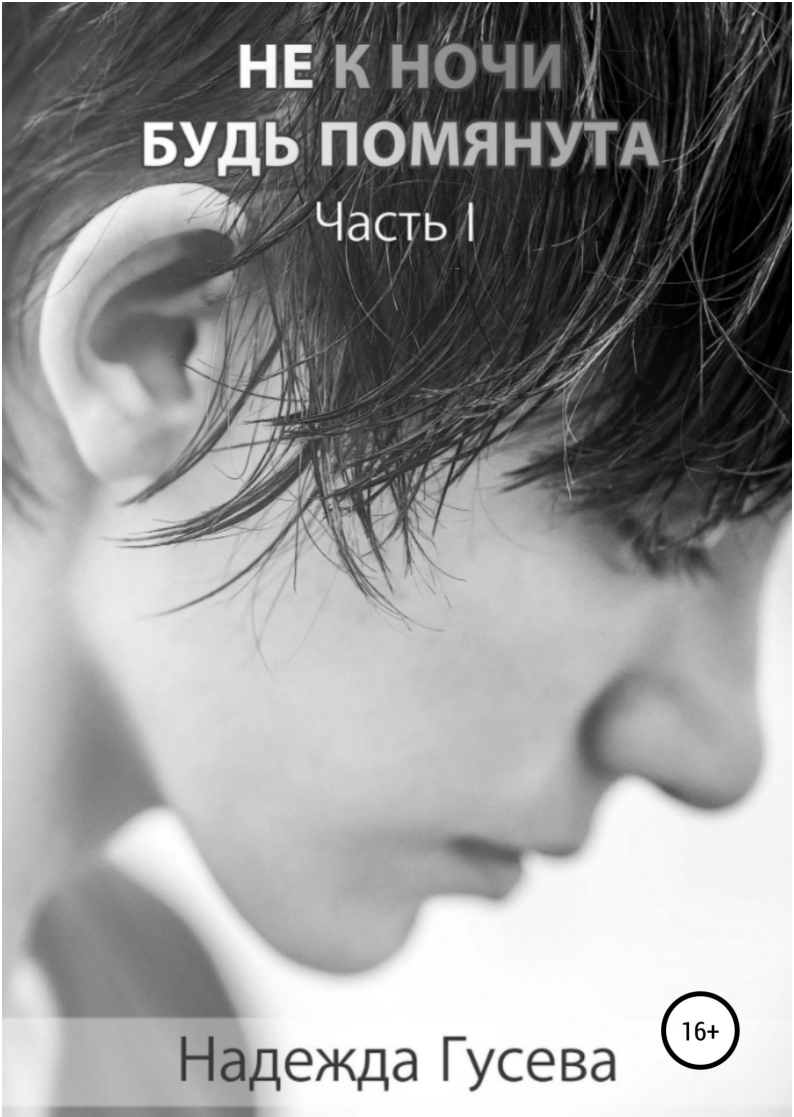
НЕ К НОЧИ БУДЬ ПОМЯНУТА
Часть I
Надежда Гусева
16+

Надежда Валентиновна Гусева

Не к ночи будь помянута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39474179
SelfPub; 2018

Аннотация

Что остаётся в конце пути? Отголоски памяти. Лишь два человека навещают её – тихая сиделка да странный мужчина, присутствие которого неизменно пугает. Однажды на пороге чужой квартиры появляется девочка-подросток. Она объездила весь мир, знает языки, разбирается в медицине и помнит подробности давних семейных конфликтов. Вернувшаяся молодость… Всегда ли это благо? Не придут ли вместе с юным лицом детские страхи и боль потерь? Глаза открываются, но свет слишком ярок. Сильный человек становится слабым, а слабому приходится искать силы.

Содержание

Часть I 5
Сентябрь 5
1 5
2 14
3 18
4 23
5 32
6 50
7 59
8 73
9 82
10 91
11 99
12 110
13 119
14 130
15 144
Конец ознакомительного фрагмента. 148

В оформлении обложки использована фотография с https://pixabay.com/ по лицензии CC0

…Можно много построить и столько же можно разрушить
и снова построить.
Ничего нет страшней, чем развалины в сердце,
ничего нет страшнее развалин,
на которые падает дождь и мимо которых
проносятся новые автомобили,
по которым, как призраки, бродят
люди с разбитым сердцем и дети в беретах,
ничего нет страшнее развалин,
которые перестают казаться метафорой
и становятся тем, чем они были когда-то:
домами.
Иосиф Бродский, «Современная песня»
1961

Часть I

Сентябрь

1

Раньше они приходили чаще. Или мне так кажется. Я давно не вижу их, но иногда слышу шаги, движения и голоса – словно сквозь постоянный гул.

Женщина приходит вечерами. Она мне нравится. Кроме неё никто со мной не говорит. Если бы не она, я давно бы ушла.

Она мягкая и домашняя, она носит тёплые вещи и пахнет всегда чем-то сладким – печеньем, карамелью или ирисками. Её руки плотные, сухие и все в мелких заусенцах, как будто она часто стирает и моет, и не знает что такое крем.

Она всё делает старательно и по уму – ни одного лишнего движения. Знавала я таких людей – всё-то у них выучено раз и навсегда, всякую мелочь они доведут до совершенства. И на глупости времени нет. Потому и несчастны.

А эта наверняка несчастна. Как же её зовут? Ведь было же у неё имя, которым я когда-то давно звала её. Звала, когда было больно или просто хотелось быть рядом с кем-то и не

замирать от страха, проваливаясь в серую мглу, в бездонную пустую пропасть.

Что-то очень домашнее – Маша, Оля, Леля… не важно…. Я всё равно не позову её никогда.

Я помню ребёнка – он приходил с ней раньше, но давно, ужасно давно. Или недавно… Ничего не могу понять… Круглый, белобрысый и безбровый. Он долго и с интересом смотрел на меня. Был похож на такого же белёсого, что сидел когда-то за деревянным столом и крутил в руке надколотый хрустальный фужер.

Однажды ребёнок напугался и заплакал. Больше она его не приводила.

Этот мальчик… Он был последним из тех, кого я помнила. Было бы славно, если б он пришёл ещё. Я не хотела, чтобы он напугался. Если он придёт, я его не узнаю.

Она приходит, и сразу принимается говорить. Что-то делает и говорит, говорит, говорит. Наверное, ей очень одиноко, никто её не слушает, никто не ждёт. А безбровый мальчик давно вырос и слепил из вещей и людей свой мирок, в который ей не войти – она никак не может пролезть туда вся целиком, со всеми своими выученными движениями и пустыми словами.

Слова. Мне хочется за них ухватиться. Значение их не доходит до меня, они все с помехами, как на старом телевизоре, они путаются и перескакивают во времени, проваливаются и снова всплывают, они – нить с не моей жизнью.

– а потом пришла – вижу, нет никого, надо идти в другой день -

– так вот – хоть бы написал, а то, как снег на голову –

– вот зря не послушала Михал Григорича, он тогда говорил -

– а потом она сказала, что беременна, ну это уж не в той серии -

– окопала за день, спина отваливается. Вот у брата у брата брата -

– зла не держу держу держу

– молоко будете будете будете

–Вы молоко будете? Я кашки растворила.

Я ещё могу понять, что от меня требуется, и раскрываю рот. Тёплое. Трудно глотать. Это напоминает далёкое, тяжёлое, тёмное. Вагон, стук колёс. И надо мной плывёт небо – чёрное и холодное, потому что ночь и зима. Я не знаю, почему вагон, но я уже там, а не здесь.

– Ещё немножко.

Тёплое. Тёплое. Теперь тепло внутри. На моей руке пальцы в заусенцах. Она гладит меня, и я начинаю скулить. Меня не надо гладить. Это слишком – почувствовать хоть что-то в пустоте, это можно не выдержать…

Она всегда что-то делает – переворачивает, треплет, тащит, льёт воду (как я это ненавижу), мнёт, чем-то мажет, хлопает окно, скрипит стул, бряцают ложки, рвётся бумага. И она говорит.

А потом ей надо идти.

– Ну, пошла я. До завтра, спокойной ночи.

Нет, нет, не уходи. Побудь ещё. Я теперь страшна и противна, но ведь ты давно не боишься. Уютная и слабая, скользишь ты по жизни – придонной рыбкой, домовитой мышью…

А если уйдёшь, я сразу забуду тебя и всё-всё. Меня опять не будет.

Бывает страшно только в первые минуты, когда я не слышу, но чувствую – возню, а потом шаги и щелчок двери. Раньше, тысячу лет назад, я лежала и плакала, и звала на помощь. Ночь вокруг обрушивалась и давила, бесконечная, безжалостная ночь. Она давила и ломала, давила и ломала, а я была совсем одна. Я была брошена и позабыта – мусор жизни, не нужный ни одной живой душе, осадок после бурной реакции, пыль под ногами… никто.

Теперь я не боюсь. Ничего нет. Нет чувств. Нет боли. Только когда приходят они, я вспоминаю, что ещё жива. Но они бывают недолго. А когда я одна, можно *уйти*.

Где-то в другой Вселенной Маша-Леля стирает руками бельё, и на плите её пищит чайник. Где-то растут деревья, а я и забыла, как шумят они от ветра, как гнутся под дождём, как пахнут по весне молодые тополя.

И есть много домов и людей, но не здесь, не на моей Земле. А тут только я – и нет больше ничего. Только тьма. И тишина.

А однажды пришёл мой Петя.

Почему среди коробочек воспоминаний я открыла эту последней? Почему я не догадалась ещё раньше призвать его? Или он сам, глядя издалека, понял, что у меня не осталось больше ничего, и пришёл.

Он был напоследок. Самое дорогое и чистое в моей когда-то жизни.

В первый раз он пришёл незвано-нежданно.

Кисейные занавески. За ними расплывается залитое дождём окно. В простенке между окнами тикают ходики. Сейчас увижу, сейчас.

И я замираю, предчувствуя и тревожась. Да. Он тут. Маленькая спина в синей шерстяной безрукавке, розовая рубашка, пепельные кудряшки над оттопыренными просвечивающими ушами, краешек круглой щеки.

Разложены игрушки – тряпичный зайчик, деревянная тележка, солдат с усами и саблей, цветные кубики…

Больше ничего не надо.

Надо остаться тут. Навсегда. Тёплые половицы поскрипят под нашими ногами, перина на кровати пахнёт печным теплом, а в комоде у двери будут раз и навсегда аккуратно сложены вещи и между ними – синие мешочки с лавандой и чабрецом.

А ты будешь всегда. Обернись. Нет, не оборачивайся. Дай

мне полюбоваться. Я так тосковала всё это чёрное время.

Мужчина приходит реже женщины. Я не знаю ни имени его, ни как он выглядит, потому что явился он слишком поздно, и прошла вечность с тех пор, когда я видела и помнила имена. Он приходит ночью и всегда-то некстати! Я сплю или *ухожу*, и приходится возвращаться, а так не хочется. А как иначе? Ведь с ним надо держать ухо востро.

В первый раз я очень испугалась. Я бродила по каменной набережной. У меня был новый зонт – бордового цвета с хризантемами. Дождя не было, но зонт я несла в руке. Я встретила Митю и Викторию Сергеевну (нелепое пальто!), потом лысого Бориса из библиотеки (он кивнул и улыбнулся). В канале шевелилась свинцовая вода. Холодный воздух влетал под подол. В туфле незаметно перекатывался мелкий камушек, и лень было его искать и выбрасывать.

Мне пришлось вернуться очень резко, обычно я так не делала. Тьма и духота. Шум в голове. Кто-то стоял надо мной и смотрел. Я не могла видеть, но чуяла – он тут. Именно он, не она, не может быть никаких сомнений. Высокий, дышит неспокойно. Большие руки и ноги. И одет во что-то тяжёлое, наверное, мокрое. И страшно, противно страшно, оттого что он так смотрит.

Если бы я знала наверняка, что он задушит меня подушкой или ударит по голове – я бы так не испугалась. Да что там – была бы рада! Один удар – и всё. И всё. Но он не хотел

мне зла, я точно знала. Он никому не хотел зла. И добра. Был он никакой, я не чуяла его, как чуяла других, когда они приходили или только казались мне.

Очень хотелось закричать, но я давно разучилась. Я заскулила от страха и описалась. Он наклонился, тяжело сел рядом, взял мою руку.

Уходи. Уходи. Мне неприятно и страшно. Хороши тёплые руки в заусенцах, а большие, холодные и сильные – страшны.

– Не волнуйтесь, я вас не обижу.

Голос шёл сквозь гул и вату. Он назвал меня долгим стёршимся именем. Да, вроде так меня звали. Но было ещё другое имя – короткое и звонкое, как стук дятла в лесу. Он не назвал меня как надо, как звала та женщина, это напугало. Чужой, чужой.

Он что-то сделал с моей рукой. Не больно, но обидно, потому что я была беспомощна как рыба на берегу, и не могла сказать о том, что мне плохо оттого, что он рядом.

А потом разбежались под кожей тысячи муравьёв, и каждый горел, как раскалённое железо.

Они бы сожрали меня, но я так закричала внутри себя, так плотно и быстро закрыла все сундуки и коробочки!

И я позвала. Изо всех сил. И Петя пробежал под сиреневыми кустами и замахнулся маленькой лопаткой, а Максим появился и топнул ногой.

Я увидела их и улыбнулась.

И тут он испугался. Я это чуяла – удивлённый страх боль-

шого сильного человека. И я обрадовалась, тому, что победила. Хоть на миг победила неважно кого.

Я очень долго не могла *уйти*. Мне виделась моя вечная тюрьма, какой она должна быть, но я не *уходила*, нет. Пыльные древние полки и шторы, тёмные окна, в старых шкафах и буфетах – тлен и моль. В углах всегда темно и поселилось неживое.

Всё это скоро уйдёт, как и я.

Как пахнет старая деревянная вещь, прожившая столетие с людьми? Её безмолвный секрет прост – она с каждым годом пропитывается ими, стремясь к невозможному – к жизни. Уж никогда ей не стать гибким деревцем, но и умереть до конца ей не дали. В её запахе – бытие бывших владельцев и её терпение.

Муравьи бегали под кожей, их были тысячи, они искали путь к моей голове. Я сражалась изо всех сил. Нельзя пускать их, нет. Пусть съедят руки и ноги, они мне не нужны. Но это не троньте. Я очень богата. Да, богата. У меня миллионы сундуков, шкатулок и коробочек. Я могу открывать их или они открываются сами. Некоторые сломались, проржавели и покрылись бурым мхом, но это не важно. Это моё, это всё, что у меня есть!

Я очень устала. Я победила. Муравьи ушли и растаяли.

Я *ушла*, а он, должно быть, ещё сидел рядом.

Я видела сумрачный ельник и нездешние крупные свежие ландыши, торчащие между бурых хвоинок на серой земле.

Я бродила, трогала тёплые шершавые деревья, вдыхала запахи хвои, живой почвенной сырости и цветов. Я была очень маленькой, а всё вокруг – большим, величественным и не страшным. Я видела, как по стволу ползёт жук с изумрудной спинкой, как шумно вспорхнула крупная серая птица. Я видела свою руку. Ногти грязные, один я обгрызла. Маме не понравится. *Посмотри, какие лапки у киски. Она ходит по дорожке, а пальчики у неё чистые. Разве ты хуже киски?*

Он приходит. И всегда-то ночью.

Он постоянно думает – напряжённо, как душевнобольной, а простое, что понятно всем – не замечает. Ему стыдно, что он приходит в потёмках, как вор. Он мало спит, и от этого у него болит голова. Нет, не от этого. Не буди лиха. Не буди.

И всегда-то некстати, и всегда берёт мою руку, и муравьи ведут со мной войну. Ничего он не знает. Не знает, что двери на запоре и ключи спрятаны. Пусть рыщут и пожирают меня, я не покажу им, нет…

Ко всему на свете можно привыкнуть. И я жду его, как жду женщину. Нет, по-другому. С ней приходит чужая жизнь, а от неё что-то и мне перепадает. С ним – возвращается моя – ненужная, бессмысленная, с болью и страхом. И на короткое время приходит понимание необратимости собственного ничтожества.

2

Это воскресенье должно было стать первым выходным почти за полтора месяца. Честно говоря, я предпочёл бы провести его у себя, отдохнуть от работы и от людей. Может быть, немного подремонтировать жилище к зиме, может быть, побегать по лесу; а скорее всего – просто просидеть у компа, пожирая пиццу и потягивая холодное пивко. Я честно заслужил один день ничегонеделания.

Но, как всегда, мамины планы пустили всё под откос. Она позвонила в пятницу.

– Герочка, маленький.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в разговоре с мамой означали только одно – ей чего-то позарез надо, и я от этого точно не буду в восторге.

– Да, внимательно слушаю.

– Герунчик, нужна твоя помощь.

Кто бы сомневался.

– Опять уезжаешь.

– На этот раз всё так не просто. У меня аттестация на носу, а тут такая возможность! Узнала буквально только что. Такая конференция, ты себе не представляешь! Да, представь, оплачиваются билеты и гостиница. Я только что заказала билеты.

Ну конечно! А то я не знаю. Узнала ты, как минимум, ме-

сяц назад. Билеты, небось, пылью покрылись.

– Куда теперь?

– Владивосток. Хочу ещё слетать в Китай. Но это потом, ненадолго.

У-у, это было серьёзно.

– На сколько?

– Видишь ли… там ещё будет обучение, вроде курсов повышения. Всё уже оплачено. А потом… Герчик, я бы съездила ещё к тете Кате. Ну, раз уж такое дело, чтоб потом не выбираться.

Всё хуже и хуже.

– Она ведь не в Китае живёт.

– Нет, но раз уж…

Ладно, не хорошо заставлять родную мать выкручиваться. Тётя Катя, так тётя Катя.

– Сколько тебя не будет?

– Около месяца. Ну, может, недели три.

Это значит, месяц я буду тратить три часа в сутки на дорогу в университет и обратно, а если пойду на работу, то плюс ещё часа полтора!

– Мам, это всего лишь квартира. Вокруг таких тысячи. Вероятность того, что ограбят именно нас…

– Герчик, ничего мне не говори. Я очень, слышишь, очень тебя прошу. Всего три недели. Да, я знаю, тебе неудобно, но ведь у тебя машина.

– Да пробки дикие, мам! Ну, дай ключи соседке.

– Нет, нет, нет. Пустить чужого в дом! Знаешь, есть такие люди, которые только этого и ждут.

Я представил картинку. Наша соседка напротив, дряхлая полуглухая бабка Клава, только этого и ждёт, наблюдает в глазок с табуретки и ведёт дневник наших явок, а когда, наконец, никого не оказывается дома, набирает номер на своём допотопном телефоне с диском и говорит шепеляво: «Шеф, всё чисто. Можно брать».

Я знал, что спорить бесполезно. Если у человека фобия, надо либо его лечить, либо смириться и не пугать лишнего. У меня вот тоже… фобия, и что теперь?

– Герочка.

– Да ладно, мам. Езжай спокойно. С тебя как всегда еда.

– Я всё уже приготовила. Оставлю записку, где что лежит и когда что есть. Сначала съешь борщ, он вчерашний, котлеты, рыбку замариновала, в морозке пельмешки, грибочки, но с ними осторожнее, мало ли что.

Ага, только что она узнала.

– Герасим со мной. Если нагадит тебе в тапки, я не виноват.

– А нельзя ли куда-нибудь…

– Нет.

– Ну ладно. Ты мой сладенький сыночек. Да, я всё понимаю, если тебе захочется пригласить Анечку или… ещё кого, то конечно. В пределах разумного, конечно, никаких диких оргий.

– Ну вот, а так хотелось.

– Гер!

– Мам, никого я не приглашу, не волнуйся.

– Я понимаю, ты мужчина, и ты…

– Неа, я сладенький сыночек.

– Ты дурачок. Я тебя люблю. Ну, пока-пока.

– Пока, мам, удачно тебе выступить. Порви там всех.

В субботу я приехал в нашу квартиру, бросил в угол вещи, раскрыл переноску с Герасимом, вытащил ноутбук и пошёл знакомиться с содержимым холодильника. Содержимое впечатлило. При желании я мог бы неделю содержать небольшой приют для беспризорников.

Вот оно, счастье! Завтра не буду делать ни-че-го. И телефон отключу. Хотя… нет, не стоит, а то опять вляпаюсь.

– Герасим, ко мне! Ты что будешь? Так. Давай прикинем. Это тебе нельзя, в этом много жира, это солёное. Ладно, побалуйся, вот тебе ветчинка. Ой-ой-ой, можно подумать, его неделю не кормили, злые люди.

С двумя полными тарелками, ложкой, вилкой и куском хлеба в зубах я прошёл в гостиную, коленом включил свет, залез с ногами на диван и включил телевизор. Эх, мама не видит, вот бы шуму было!

Мобильник ожил и раздражающе пропел. Кто там у нас в столь поздний час? Аня. Не, с меня хватит. Некоторое время я тупо слушал сигнал, потом мне надоело, и я сунул телефон под диванную подушку, а другую пристроил вместо стола. Я

наслаждался.

Вечер плавно переполз в ночь. Я пощёлкал каналы, нашёл пару приличных фильмов, но меня одолела лень, и я решил, что выспаться в кои то веки – дорогое и редкое удовольствие.

Впереди у меня было целое большое воскресенье.

3

Сначала я вижу сирень. Всё как в прошлый раз.

Густая кисть покачивается напротив моего лица. Она припухла от ночного дождя и пахнет свежо и сладостно. На листьях-сердечках застыли прохладные капли.

Направо – старый почерневший забор, налево – сырая дорожка, уходящая в парк.

Под ногами мелькает яркое. Тёмно-жёлтая бабочка, с чёрными прожилками на резных крыльях. Она садится на травинку, прогнув её, и я удивляюсь – разве бабочки имеют вес?

Я жадно втягиваю в себя свежий воздух, пропитанный сиренью и туманом. Поднимаю глаза к небу – того странного цвета, который можно назвать только ярко-серым. Как хорошо.

Сейчас. Сейчас я тебя увижу.

Я прикасаюсь к ветке рукой, отгибая её, и капельки воды, щекоча, затекают в рукав.

Ты здесь.

Он стоит возле глубокой лужицы, пристально вглядывает-

ся в мутную воду, потом достаёт из кармана шишку, бросает её и долго наблюдает, как расходятся круги. Потом достаёт вторую шишку. Потом ещё одну. Сколько же их у него?

Я терпеливо жду, не отводя глаз ни на секунду. От долгого сидения на корточках затекают ноги. Ветка сирени скрывает меня.

Я прячусь. Я знаю правила, я не могу выйти раньше времени, прости, я нечего не решаю.

Увлечённый своей игрой, он забывает, что меня нет рядом. Плюх – ещё одна шишка окунается в воду. Я сижу, не шевелясь. Ищи меня, пожалуйста, ищи. Ищи, пока не вышло наше время.

Сейчас.

Он поднимает голову, оглядывается кругом, и беззаботное выражение моментально сменяется горем. Он не видит меня. Не зовёт, не кричит, а просто скорбно закрывает личико ладошками. Вздрагивают маленькие плечи.

Дура, какая же я дура! Как я могла, снова и снова?

Я так резко вскакиваю на ноги, что не удерживаюсь, теряю равновесие, ударяюсь коленкой о паребрик, но тут же быстро поднимаюсь и кидаюсь навстречу.

И тут же. Вот оно. Ради чего – жить. Мой тёплый, мой маленький. Со мной. От светлых кудряшек пахнет детским мылом, от щёчки – молоком, от воротника рубашки – глаженой фланелью. И я ловлю ручки, чтоб согреть их в своих ладонях, и целую волосы, ушко, щёчку, и обнимаю, и прижимаю

к себе живой комочек, самый хороший, самый хороший…

– Петя, Петечка, милый мой, я больше не уйду… Мой человечек, солнышко. Всегда будем рядом, правда?

– Сегда – сегда?

– Всегда – всегда.

Сначала я не понимаю, что он делает, а когда до меня доходит, я замираю от волнительных мурашек, от нахлынувшей нежности. Он гладит мою коленку в порвавшемся чулке и осторожно дует на ссадину.

Муравьи. Нет. Нет. Не надо, пожалуйста. Сейчас всё исчезнет и не будет сырой сирени и глянцевых дорожек. Не будет тебя! Я хочу ещё! Ещё немного, это всё, что есть… бороться, ухватиться…

Но за столом уже сидит Йозеф. Он рассматривает фужер с отбитым краем, искоса поглядывает на меня, и глаза его похожи на блёклое бутылочное стекло. Опять пришёл. Прочь. Ты – никто. Тебя нет!

Муравьи. Всё выше и выше. Я устала. Я ничего не могу поделать.

Простите меня, простите. Если уж всё решено, пусть я увижу, хоть на миг… Мама, пожалуйста,… пожалей меня… покажись….

Но я одна. Я ползу по холодному болоту чужой разорённой земли. Корни и ветки цепляются за одежду, царапают грязную кожу рук и лица. Я хочу остановиться и отдохнуть. Я хочу этого больше всего на свете. Но нельзя.

Потому что за мной идёт Волк. Он огромен и глаза его горят нежитью – жёлтым огнём. Он выше леса. Он ищет.

– Тише. Тише. Вон он, Волк-то, близко, – слышу я голос толстой няньки Насти.

– Нянюшка, помоги!

Но нет никого. Я с трудом вынимаю длинную палку из густой землисто-зелёной жижи и снова втыкаю её. И снова. И снова. Но вот она проваливается вся. И я – за ней. Тонкие корни и трава рвутся в замёрзших руках. Больше не за что уцепиться. Но ведь я тогда вырвалась, там, у деревни, у чёрного хоровода обгорелых печек, разве не так? Или всё это было сном, и вот она – явь? Я в последний раз вскидываю взгляд к сумрачному небу, в последний раз судорожно хватаю воздух ртом, шарю руками по склизкой грязи…. И болото смыкается надо мной. А там, в страшной сырой глубине на меня сразу набрасываются полчища насекомых – их тысячи, миллионы, и они разрывают меня на кусочки, они растаскивают моё тело, превращая в такую же грязь.

Меня больше нет.

– Герасим, отвали, скотина.

– Мррр. Мррр. Ммма.

– Нашёл время, блин. Спать.

– Ммма. Ммау.

– Ччёрт. Хорош топтать. Пшёл.

– Мррр. Мррр. Мыррр!

– Достал. Ладно, сейчас.

Я стряхнул кота на пол, прошлёпал на кухню и насыпал корм в тарелку. К старости у Герасима проявилась скверная привычка – есть по ночам. Обычно я насыпал корм с вечера, но сегодня забыл.

– Ну и что теперь? Приглашения ждёшь?

Кот стоял возле кормушки и смотрел на меня. Такое иногда случается с котами – впадают в ступор и забывают, чего, собственно, хотели. Я махнул рукой и поплёлся досыпать.

– Ммау! Ммау!

– Да иди ты.

Зазвонил телефон. Я посмотрел на номер и отключил звук. Ты тоже… туда же.

За окном стояла кромешная ночь. Почему-то такие ночи бывают именно в начале осени – тихие, густые и беспросветно чёрные. Я вспомнил, что неплохо бы попить, вернулся и высосал остатки из носика чайника. На язык налипли песчинки накипи, и я раздражённо плюнул в раковину.

Кот рысью помчался за мной в спальню, куснул меня за пятку, прыгнул на одеяло и затарахтел.

– Уймись, блажной, – сказал я, зевая.

Всё. Ни котов, ни Ань, ни мам… Достали. Я лёг на спину, вытянул ноги и положил руки под голову.

4

Тишина.

Тишина Великая и Первичная.

Она была всегда. И она же была – тьма.

Я находилась прямо посреди неё, в её вечной глубине, я плыла в ней, нет, не плыла, я была неподвижна.

И больше – ничего. Исчез мучительный гул, бессмысленные монотонные звуки, бесчисленные голоса. Как хорошо. Я умерла. Вот и всё.

Вечность. Позабытое ощущение лёгкости и покоя. Меня больше не будет. Так вот как это бывает. Я была снаружи, а не внутри – прямо вокруг тела, в воздухе. Но воздуха тоже не было, как не было света и звуков. Ничего.

Ничего, кроме одного вопроса. Он родился во мне, и я должна была ответить. По-другому нельзя. То был выбор пути.

И я ответила. Это было как выдох, как движение во сне, как прикосновение холодного ветра к голой коже, как завершающий мазок на картине…

Это было ДА.

А потом я засияла во тьме. Я не могла этого видеть, но знала. Я стала светом.

Время исчезло. Для меня. Но всё-таки оно было. Где-то там… Может, прошла минута, может, сутки или год. И в ти-

шине появились звуки. Они, конечно, были и раньше. Знакомые. Очень знакомые.

Я дышала.

И у меня билось сердце.

И в ту секунду, когда я это осознала, целая буря мыслей и эмоций вдруг навалилась на меня, грозя раздавить. Безотчётный страх, сожаление, бурный восторг, умиление, злость, обида – всё смешалось, а потом разделилось на фракции и легко успокоилось.

То были мои мысли.

И я могла думать совершенно безнаказанно, не рискуя взорвать мозг приступами боли, не вызывая страшных и мерзких фантомов. И я всё помнила. Всё.

Я вздохнула глубоко и свободно. Воздух наполнил лёгкие и опьянил.

Я поняла. Такое бывает. Люди перед смертью иногда вспоминают, то, что давно позабыли. Паралитики начинают двигаться, слепые прозревают. Неужели я должна пройти и сквозь это? Вот он, последний подарок.

Я вновь вздохнула. Как неприятно пахнет. Неужели от меня?

А может быть, я смогу.... Я задержала дыхание, заволновалась и… пошевелила пальцами руки. По коже будто просыпался мелкий песок, скользнула хлопковая простыня, ногти чуть царапнули ладонь. Этого не может быть.

Сердце забилось сильнее.

А сейчас… только попробовать… в последний раз, пожалуйста.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Я открыла глаза.

И тут же испугалась, судорожно вдохнула и зажмурилась от нестерпимо яркого света.

Какое-то время я неподвижно лежала с закрытыми глазами, пытаясь успокоиться. Ещё раз. Осторожно. Спокойнее. Это всего лишь полутьма – то ли вечер, то ли утро, то ли ночь, и слабый ночник горит на столе.

Лёжа на спине и постепенно приходя в себя, я оглядывала свою тюрьму. Коричневые розы на старых обоях. Картина в тусклой раме. Трещина на потолке – раньше её не было. Тёмный шкаф. Тяжёлые складки портьер.

Я вижу. Я хорошо вижу. Господи, я вижу!

Сердце билось размеренно и сильно. Воздух входил и выходил. А вокруг были вещи, и цвет, и свет…

А если попробовать… если получится…

Я вновь разволновалась, несколько секунд не могла решиться и, наконец, легко подняла руку и посмотрела на неё.

Господи! Что это? Это моя рука. Нет. Как же так?

Не в силах оторваться, я смотрела на тонкие грязные пальцы, на маленькие ногти. Это не настоящее, нет, так не бывает.

О, заберите кто-нибудь меня отсюда, проводите куда надо, если есть куда идти, а если нет – дайте исчезнуть навечно,

и всё. И всё!

Я закрыла глаза, и некоторое время полежала, обдумывая. В голове прыгали тысячи мыслей, но они были легки и здоровы, с ними легко было справиться. Это мой последний бред. Скоро всё кончится.

Но что-то удалое и лихое будоражило и спешило – нет, нет, всё взаправду, это не смерть, нет, нет.

Неожиданно для себя, по велению тела, уже ни о чём не думая, я потянулась, выгнула руки и ноги, и ощутила, как легко работают суставы, как изгибается спина и шея. Согнула ноги в коленях. Сжала кулаки и вновь растопырила пальцы. Невероятно. Легко.

Запах. Мерзкий запах. Песок. Раздражает. Не хочу.

Неприятно во рту. У меня во рту… камни?

Я повернула голову и выплюнула на подушку серую вязкую массу и… собственные зубы. Тут же сунув дрожащие пальцы в рот, ощупала дёсны. Все зубы были на месте. От них исходила слабая тянущая боль и зуд – как от заживающей болячки.

У меня есть зубы. Свои, настоящие. Да что же это такое?!

Я прикоснулась к лицу, к волосам, всё больше и больше дивясь и ужасаясь.

Тревожное неприятное ощущение возникло сначала слабо, будто намекая, потом сильнее, и вдруг желание возникло дико и отчётливо, так, что меня передёрнуло.

Я страшно хотела есть и пить. До боли. До безумия. Я за-

стонала, впервые за много лет услышав свой хриплый голос, но это уже не волновало.

Я села на кровати, попыталась встать, но ноги не послушались. Запутавшись в простыни, я упала на ковер.

Стол, там она что-нибудь оставила. Я рванула ползком, схватилась за столешницу руками и подтянула тело. Чёрт, как же я голодна! Здесь должно быть, я же помню! Я хватала что попало – пузырьки, ложки, газету… Не то, не то!

Сметя всё на пол, я со злостью опрокинула стол и встала на ноги, опираясь на его ножку.

Что это на мне? Мерзость! Вонючие тряпки! Я рванула ворот дряхлой ночной рубахи и с треском разодрала её до подола. Между ног болталось что-то непонятное, тяжёлое, раздутое, словно вата. Гадость, фу! Задыхаясь от нетерпения, я скинула с себя всё и теперь отряхивалась от чего-то сыпучего и налипшего.

Освободившееся тело быстро наполнялось теплом и силой. Я хочу есть! Очень, очень хочу есть!

Я побежала по комнате, по тёмному коридору. Всё не так. А как было? Не важно!

Из-за того, что кран на кухне стал другим и непонятным, его не сразу получилось открыть. Торопясь и дёргая, я чуть не оторвала его. О-о, вода. Я приникла ртом к крану и стала жадно пить холодную воду с привкусом хлорки. Вода текла на подбородок и шею, на руки. Как хорошо.

С трудом оторвавшись, трясясь от жгучего голода, я ста-

ла шарить по столу, по полкам. Что это за баночка? Ммм… сахар. Остатки варенья. Сухарик. А тут что? Соль.

Холодильник другой, не мой, это не важно. Чёрт! Почти ничего. Картонная коробка, на ней – счастливый толстый малыш. Знакомый вкус.

Я села на пол и съела всё, что нашла – остатки сахара, детское питание из коробки, старую заварку из чайника, сухую манку из банки, поломанные кусочки печенья. Потом снова долго пила холодную воду, поднося её горстями ко рту.

Теперь, когда самая важная потребность была удовлетворена, я впервые задумалась о своём положении. Я посмотрела на себя, на своё тело. Голая и худая, я была вся покрыта, обсыпана серым порошком, отвратительным, дурно пахнущим, будто вековая пыль на мумии.

Я встала на нетвёрдые ноги, снова чуть не упала, и по стене, по коридору – скорее, скорее, поспешила в сторону ванной.

Горячая вода не пошла, а может, я просто не смогла справиться с очередным хитрым смесителем. Я нашла на раковине небольшой обмылок и, замирая от холода, принялась тереть себя краем мокрого полотенца. Потом направила на себя ледяной душ, смывая серую грязь. Ноги от холода совсем онемели, пальцы рук перестали слушаться. Я выключила воду и, стуча зубами, вылезла из ванной. Обтереться, закутаться. Только чтоб чистое. Недолго думая, я дёрнула на кухне занавеску. Гардина упала со звоном, цветастая тряпка

легко оторвалась. Фу! И тут этот застарелый запах. Нет, ничего не надо. Чтобы согреться, я подпрыгнула несколько раз. Тело слушалось безупречно. Я помахала руками, подрыгала ногами, потёрла щёки.

И остановилась, испуганная собственными мыслями.

Что же теперь? Кто я? Что мне делать?

Я стояла посреди порушенной кухни – мокрая и голая. И ужас происходящего начал потихоньку доходить до меня.

Этого не может быть, этого просто не может быть.

Это неправильно. Так делать нельзя.

Это сделал он, больше некому. Сукин сын.

Я медленно пошла по квартире. Ни за что не войду в проклятую комнату – тюрьму, где я целую вечность медленно и неподвижно сгнивала, где потеряла человеческий облик и человеческую личность. Я сделала ещё шаг по коридору мимо книжного шкафа, и вдруг отпрыгнула в ужасе. Впереди кто-то пошевелился. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что это моё собственное отражение зыбко подёрнулось в огромном зеркале.

Зеркало в ореховой раме. В тёмном углу прихожей. Сердце снова забилось тревожно. Сейчас я увижу всё. Я зажмурилась и попыталась успокоиться.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

И тут. Щёлк. Далеко в темноте открылась дверь подъезда.

Это за мной. Хочет убедиться, гад. Это он, больше некому.

Скорее! Опьянённая страхом и злостью, сама не понимая, что творю, я сначала бросилась прятаться. Глупо, глупо!

Шаги по лестнице.

Я рванула створку шкафа и рывком вытащила из него кучу чужого барахла. Чёрт! Где все мои вещи?

Шаги почти у двери. Что сейчас – зима, лето? Да какая разница! Я схватила первую попавшуюся тряпку, старое пальто, какую-то пару обуви, опрометью кинулась в гостиную, быстро открыла балконную дверь, швырнула вещи вниз, перекинула ноги через барьер, присела, схватилась за основания гипсовых балясин, на секунду повисла на руках. И сорвалась вниз. Земля со свистом устремилась навстречу. Оглушительно и больно ударило. Я упала, как кошка, на согнутые ноги и руки, только чуть-чуть приложившись лбом, и сразу поднялась. Голова кружилась, но приходить в себя было некогда. Нащупав рядом с собой вещи, я бросилась бежать, спотыкаясь на каждом шагу. Невдалеке темнели кусты, я влетела в них, и только там, в сыром мусорном кленовнике, тяжело отдышалась, ухватившись за ствол деревца. Одежда. Какое-то дурное платье. Хоть что-то. Я оделась, сунула ноги в короткие сапоги и, пригнувшись, выглянула из укрытия.

Наверное, начало осени. И пахнет осенью. Мой дом. Почти не изменился. Мой балкон.

Он стоял на балконе, тёмно-серый на сером фоне стены, и вглядывался сквозь седой утренний туман. Ищет. Я не понимала, зачем я нужна ему, и не хотела об этом думать. Но

одно то, что он скользит глазами, всматривается; то, что он удивлён, возмущён и злится, вызывало чувство негодования, опасности, но вместе с тем – шальное ощущение победы.

Было холодно. Я накинула старое тяжёлое пальто и побежала. Я не узнавала ничего. Тут был приём стеклопосуды. А рядом – молочный магазин. Или это дальше? Исчезли все деревянные дома. Забор. Стройка. Я спохватилась, что бегу по разбитой дороге и могу оказаться у всех на виду. Свернула в овраг. Я задыхалась. Ноги ослабели и не слушались. Нет, надо быстрее – уйти, спрятаться, чтоб никогда его не видеть, и пусть смотрит, и пусть бегает и разыскивает.

Добравшись до густых зарослей, я залезла под кусты и, держась за грудь, повалилась на жухлую траву, на песчаную землю. В боку кололо, в животе нарастала боль. Я скрючилась пополам и меня стошнило. Стало немного легче.

Некоторое время я бессмысленно лежала на земле, оглядываясь вокруг, привыкая. Надо мной густо кустились невысокие ивы, ветер шевелил их узкие листья. Почти все они были ещё зелёными, лишь слегка тронутыми жёлтой растительной сединой. Меж серых облаков сквозило голубое утреннее небо. По бежевой гладкой ветке ползла божья коровка. Я заворожённо следила, как, цепляясь за незаметные неровности, перебирают крошечные чёрные ножки. Надо же, будто маленькая лакированная шкатулочка. Сорвавшийся лист упал мне прямо на лицо.

Надо взять себя в руки. Думать. Надо с чего-то начать.

Вариантов нет. Только один человек на всём свете. Только один адрес. Он поверит, он точно поверит. И что-нибудь придумает. А если нет – тогда… Не в первый раз. Сначала, так сначала.

Нужно было отдохнуть, хотя бы немного. Но солнце поднималось. Времени не было.

5

Человек с оригинальным именем Иван Козлов учился на другом факультете, но славился повсеместно великомудрыми изречениями и теориями.

– На самом деле легко определить – неудачник ты или нет, – вещал он. – Просто посчитай, сколько раз за день тебя беспокоят по очень важному поводу в то время, когда ты, положим, кушать изволишь, или сидишь, извиняюсь, на толчке. Ну, или ещё чем интересным занимаешься.

Я посчитал. Неудачник без вариантов. Я решил с этим бороться, и нашёл простое решение. Раз уж меня доставали в ситуациях, требующих интеллектуального или физиологического покоя, я стал просто отключать в это время телефон. Это мне, однако, даром не прошло. Именно в эти минуты мама как раз намеревалась связаться со мной. Естественно, раз уж трубку я не брал, со мной должно было произойти нечто страшное. Скорее всего, я должен был попасть под машину. То обстоятельство, что телефон при этом, скорее все-

го не пострадает, и кто-то уж точно ей ответит, не бралось в расчёт. Пришлось смириться с кармой и наживать язву желудка.

Сегодня мне везло. Во-первых, было воскресенье, и я выспался. Никто не дёрнул в шесть утра, как это частенько бывало. Даже кот больше не орал. Во-вторых, у меня была еда. Много замечательной еды, целый холодильник. В-третьих, можно было совершенно безнаказанно не делать ничего целый день.

Я потянулся и посмотрел на телефон. Девять двадцать. Ни одного сообщения. Кра-со-та. Позёвывая и почёсываясь, я поплёлся в туалет. По дороге включил чайник. Свою кедровую зубную пасту не нашёл. В маминых привычках было второпях утащить в дорогу то, что плохо лежит. Да ладно, не проблема.

Когда кофе был готов и бутерброд ждал своего часа, обычно наставал ответственный момент. Предчувствие меня обычно не подводило. Я тупо смотрел на мобильник и выжидал. Давай уже, издеватель!

Меня обманули. Звонок раздался в дверь. Вот сколько раз говорил маме, чтоб сделать глазок в двери! Надо было давно ввернуть самому, и избавиться от всякого спама. И куда штаны подевались?

Звонок раздался назойливей.

– Да сейчас! – крикнул я, как будто кто-то мог услышать.

Одной рукой я натягивал шорты, другой возился с зам-

ком.

Ну, вот так и знал. Как раз случай спама. Нет ли у вас лишней одежды? Сами мы не местные, от поезда отстали. Простите, а вы веруете в Бога? Теперь ещё детей подсылают…

– Простите, здесь живут Луговые?

Девочка имела вид одновременно затюканный и шальной. Одежда с чужого плеча, какое-то жуткое пальто и сапоги на голых ногах. Однако, на бомжонка, беженку или цыганку не походила. Она очень внимательно рассматривала меня.

– Допустим. Вам кого?

– Максима.

– Кого?!

– Лугового Максима Павловича можно? – хрипло спросил ребёнок. Курит, конечно, как паровоз.

– А его нет.

Она не сводила с меня глаз.

– А скоро он будет?

– Его не будет. Он умер.

Она приоткрыла рот и ещё больше вытаращила свои глазёнки. Я молчал и ждал дальнейшего разворота событий. Ибо не каждый день бродяжки спрашивают о моём покойном отце.

– Когда?

– Шесть лет назад.

– Как?

– Сбила машина у светофора. А что?

Она хлопнула ресницами. Помолчала.

– А Марина?

Если моя мама услышит, что такое непонятное создание называет её просто по имени, это будет последнее, что оно скажет, не заикаясь.

– Марина Анатольевна. Её тоже нет.

– Она тоже?

– Типун вам, леди, на язык. В отъезде.

Постояла, переваривая.

– Ты её сын.

Теперь стоял и молчал я. Надо было скорее сворачивать эту комедию. Возможно, на первом этаже дожидаются два амбала с ножами, хлороформом и скотчем. Пока этот чудик усыпляет мою бдительность, бочком пробираются всё выше. Неспроста же она так пристально глядит, может, пытается ввести в транс. Хотя, чего у нас брать? Разве тумбочку или книги.

– Сохранилась тумбочка, – Вдруг сказала девочка.

– А?

– Тумбочка, говорю, хорошая, старинная.

Ни фига себе! Это как же так?

– Дуб, – брякнул я тупо.

– Тысяча девятьсот четвёртый год. Фабрика Мельниковых.

Да что такое-то? Нет, пора это заворачивать!

– Ну, ты, любитель мебели, тебе чего надо-то?

Она дёрнулась, как будто я собрался её ударить.

– Наверно, ничего…

– Ты вообще чего хотела?

Она молчала и больше не смотрела на меня, а куда-то вбок и вниз.

И вдруг стала мягко оседать. Я не успел подхватить её, и вообще растерялся. Голова глухо стукнулась о косяк, руки нелепо вывернулись, и она растянулась у моих ног. Пальто распахнулось, под ним оказалось заношенное до дыр платье с большими фиолетовыми цветами.

Матюгнувшись, я сгрёб её в охапку и потащил внутрь. Кто-то, кашляя, поднимался по лестнице. Сапог зацепился за порог и сполз с босой ноги. Я злобно пнул его под злополучную тумбочку. Оставив тело на ковре, бросился запирать дверь. Если амбалы здесь, то они не дремлют! Краем глаза успел заметить, как подходит, отдуваясь, соседка с сумками. Тебя тут ещё!

– Здравствуйте. Я давно спросить хотела… Ваша мама…

– Драсте. Умираю, хочу в туалет.

Два щелчка плюс цепочка.

Ребёнок лежал на полу. Чёрт! А если она убилась об дверь? У меня дома мёртвая девочка. У меня дома мёртвая девочка!!! Я плюхнулся на ковёр и прижал ухо к её груди. Сердце слабо билось. Ну, спасибо. Взял в ладони её лицо – совсем бледное и покрытое холодной испариной. Кинулся на кухню, выплеснул кофе в раковину, сунул чашку под холод-

ный кран. Вроде как надо было прыснуть изо рта, но я тупанул и просто вылил воду ей на лицо. Похлопал по щеке. Она поморщилась и промычала что-то. На щеке остались серовато-ватые разводы, как от цементной пыли.

– Эй! Давай что ли… Как же тебя… иди-ка сюда.

Я подсунул ей под спину одну руку, прижал к себе, обхватил другой и неловко поднял.

Да что у неё за пальто такое! Сколько помоек надо обойти, чтоб это отыскать! Я стащил его на ходу и бросил в прихожей. Платье ещё не лучше…

Я почти донёс её до дивана, но тут ни с того ни с сего у меня вдруг закружилась голова, и вместо того, чтобы уложить как положено, я просто бросил девочку так, что она чуть снова не упала на пол. Почувствовав, что падаю, я схватился руками за подлокотник. Комната поплыла перед глазами, цвета стали нестерпимо яркими, и я неожиданно увидел нашу входную дверь, кнопку звонка и, собственно, себя. Я стоял в дверях, лохматый, полуголый и с раскрытым ртом. Потом страх. И дурнота.

Всё пронеслось за долю секунды. Я потряс головой, вздохнул и выдохнул, и мир опять принял приличные формы и расцветки.

Чёрт! Это что ещё за новые штуки? В груди стучало, в висках тукало, как после сильного испуга.

Всё нормально. Всё нормально. Не каждый день такое, что правда, то правда… Но ничего ведь страшного. Это просто

девочка. Ей плохо.

Я пристроил ей под голову подушку, подошёл к окну, отдёрнул шторы, открыл обе створки и цыкнул на Герасима, чтобы не лез. Тот никак не мог уяснить, что научиться летать – дело для кота безнадёжное. В комнату ворвался свежий прохладный воздух, полный осенних уличных запахов. Девочка пошевелилась, опять что-то промычала, открыла глаза и приподняла голову.

– Это где… Оу.

– Лежи уже. Сейчас попить принесу.

Я снова принёс чашку, она взяла её сама и выпила махом.

– Голова как?

Меня не удостоили ответом. Девчонка уставилась на книжный шкаф в глубине комнаты и сердито поджала губы.

– Книг стало меньше, – Наконец выдала она.

Здорово! Теперь взялась за артефакт номер два.

– Продали? – посмотрела нехорошо.

– Тебе-то что? Лежи уже…

– Совсем обеднели или, наоборот, шикануть решили?

Ещё немного, и драться полезет.

– А рукописи? – она прищурила глаза.

– Так. Слушай сюда. Сейчас кое-кто обсохнет, отлежится, возьмёт свои древние одёжки и уйдёт. Могу вызвать скорую. Могу полицию. Ваш выбор, леди.

– Полицию?

– Думаю, не стоит беспокоить людей в выходной. Сами всё

уладим, правда? Так что голова?

– Болит.

– Сейчас холодного принесу, без фокусов тут.

Я порылся в холодильнике, льда не нашёл и решил, что сойдёт банка с корнишонами. Когда вернулся, она сидела, поджав ноги. Молча взяла банку, приложила металлической крышкой к шишке и откинула голову.

– Живёшь далеко? – спросил я.

– Не очень.

– Кому-нибудь позвонить, чтобы забрали?

– Некому звонить, уж будь уверен, – она криво усмехнулась.

– Родные, знакомые…

– Знаешь, что я тебе скажу, мой мальчик? – она вдруг вся подёрнулась, опираясь на тощие ручонки. – Знаешь что? А если я к вам пришла? Вы – мои родные. И знакомые. И больше никого нет. Нигде. Никого не ждали? А я и сама не ждала.

Я почувствовал, что у меня вспотела спина. Так не говорят дети. Так говорят взрослые стервозные тётки. Открыл было рот для дальнейшего выяснения ситуации, но она снова откинулась на подушку, как будто из неё спустили воздух.

– Как тебя… Герман, так ведь?

У меня язык присох.

– Я сейчас уйду, ты не волнуйся. Только… поесть что-нибудь можно?

Передо мной теперь снова лежал ребёнок, худой, страш-

ненький и голодный. Какое уж тут вышвыривание!

– Борщ будешь?

– Ага.

– Сюда принести или на кухню пойдём?

– Пойдём…

Она свесила ноги и, прежде чем встать, секунд десять посидела. Да чем это она вся обсыпана? То ли пудра, то ли цемент, какой-то сероватый налёт на щеке, там, где я её облил.

– Может, в ванну сначала сходишь? Извини, конечно, но вид у тебя…

– Можно?

Если уж делать добро, то не наполовину. Я подумал, что от мамы не убудет, возьми я что-нибудь из её гардероба. Одену и накормлю, раз такое дело. Включил ванну наполняться и полез в шкаф. Так… один нюанс – в любую мамину одёжку можно зашить троих таких заморышей. Ну, хотя бы этот халат, вроде приличный, сойдёт. Наверное, надо ещё бельё, но тут уж – извините… Воскресенье восьмидесятого уровня, блин! Взрослый сын в отсутствии матери тырит у неё вещи из шкафа!

Девица полезла в дверь ванной, я сунул ей одежду и полотенце.

Она же будет мыться *моей* мочалкой! Другой-то на виду нет. А, чёрт с ней, потом выброшу.

Я пошёл на кухню, прихватив чашку. Поставил суп в микроволновку.

Значит, что мы имеем. Она знает меня, отца и мать, причём знает давно. Она знает как минимум про две наших ценности. Выглядит как зомби. Говорит вообще невесть что. Либо это хитрый развод, либо понаехала совсем левая родня, которой я совсем не знаю. В любом случае, человек не будет специально биться головой об косяк. Если он нормальный.

Я вспомнил про пальто, поднял его, но вешать не стал, а бросил подальше с глаз долой, в угол. Фу! Даже руки завоняли. Чем же пахнет-то так? Не бомжатиной, нет. Такой застойный запах, как из старушечьего сундука.

Пока я мыл руки, тренькнула микроволновка. Что-то тихо в ванной, однако…

– Эй! Ты живая?

– Да!

Плюхалась она полчаса, не меньше. Оно и понятно, если бы от меня так несло, я бы, наверное, там полдня сидел. Вышла, утопая в розовом махровом халате и с полотенцем на голове.

– Пошли кормиться. Тебе со сметаной?

Я поставил тарелку и стал разогревать второе. Когда микроволновка выключилась, она от неожиданности уронила ложку, и уставилась на технику как на чёрта.

– Ну, чего нервничаем? Ешь, давай, супчик вкусный…

Да её не надо было уговаривать! Налетела она, будто неделю не ела. Да кто знает, может и не ела… Борщ просто вса-

сывался. Раз – и тарелка стала пустой. Я молча поставил пюре с котлетой. Та же история. У неё что, булимия?

– Ну что, теперь чаёк?

– Спасибо. А борщ ещё можно?

– Мне, конечно не жалко, но плохо тебе не будет? Вообще-то люди должны жевать. После бани чай самое оно. Потом посидишь, подумаешь, еды полно…

Я сунул ей баранку и поставил чашку. Чай налил не горячий, а то обожжёт себе всё нутро с такими скоростями. Она отхлебнула и теперь уставилась на холодильник.

Недавно мама бесцеремонно свалила всю мою старую коллекцию магнитиков со страшилками в коробку и выставила на балкон. А ведь я копил их с седьмого класса! Под лозунгом «Кухня должна быть стильной!» она так же заменила наш старый круглый стол стеклянной раскорякой с сушёными перцами внутри, а вместо жёлтых шторок мне пришлось, провозившись полдня, повесить жалюзи. Холодильник без магнитов стал казаться неприлично голым. Мама не растерялась и повесила на него сборный магнитный календарь, по-моему, довольно глупый и уж совсем не стильный – куча жизнерадостных фруктов и овощей, и на каждом пропечатан один месяц. Всё венчало яблоко с обозначением собственно номера года.

– В ноябре тебе будет двадцать два года. – сказала девочка. – Пятнадцатого.

Вопрос застрял поперёк горла, я им подавился, но про-

молчал. Куда она денется, в халате-то… Само прояснится. Девочка молчала и продолжала есть. Она употребила ещё одну котлету, четыре куска колбасы, три ломтика сыра и теперь доедала вторую баранку. Пауза, как говорится, становилась мучительной.

– Может, представишься, – я не выдержал первым.

– Ада. Слышал когда-нибудь? – сказала она с набитым ртом.

– Вроде, нет.

– Понятно.

– Мм… ты, наверное, издалека.

– Всё равно не поверишь.

– Ну, хоть попытаюсь.

– А! – она махнула рукой. – Давай потом. Я сама должна сначала разобраться.

– Родители в курсе? – вдруг вырвалось у меня.

– Что?

– Родители знают, что ты куда-то рванула?

– Послушай, Герман, не лезь куда не надо, а? Вот сейчас мне только до родителей… У тебя коньяка не найдётся?

Я чуть со стула не рухнул.

– Ты не приборзела ли? Кальян тебе не приготовить, ребёнок?

Она глянула на меня, фыркнула и усмехнулась.

– Я – ребёнок? Ну, да, тогда мне коньяк, конечно, нельзя. Не обращай внимания. Это я тебя проверяла. Ещё понять

бы, чего теперь можно, а чего нельзя…

Опять как-то странно сказала. Как будто не свои слова.

– Ладно. Ты с вещами что собираешься делать? Они… как бы не очень свежие.

– Да. Вещи. Нет, других нет.

– Значит, слушай. План такой. Сейчас я тебе дам что-нибудь из одежды. Мы собираемся и идём в церковь. Тут недалеко, и без пальто дойдёшь.

Ада подавилась чаем.

– Зачем в церковь?

Она отставила чашку и уставилась на меня, как будто я предложил ей поселиться в Мавзолее слева от Ленина.

– Там таких как ты любят. Дадут одежду, будут кормить, пристроят куда-нибудь. Ну, петь там или убираться, или свечки делать. Я сам там не был, просто знаю. Говорят, батюшка добрый. У него приют свой. Учиться будешь. Ты учишься?

– Где?

– Ну как где? В школу ходишь?

Она снова нехорошо усмехнулась.

– Школу закончила с отличием.

– Да ладно!

– Вот тебе и ладно.

– Ну а документы твои где? Спросят ведь. Паспорт, полис.

– Да, тут я предвижу трудности. Они, знаешь ли, должны быть, но не подходящие.

– Фальшивые.

– Ох, мальчик, не говори мне сейчас ничего, пожалуйста. Всё это потом. Я очень устала, правда. Ты меня накормил, спасибо большое. Я… просто, последняя просьба. Мне бы поспать совсем немного, а потом я уйду в церковь, в зоопарк, куда захочешь.

Здорово! И тут я понял, что с самого утра ощущал дежа вю.

Это было очень давно, когда я притащил Герасима – маленького, злобного, больного и блохастого. Я не мог просто накормить его и выкинуть на улицу. Если уж я его подобрал, я понимал, что теперь мне придётся биться с мамой, и ныть, и пускать в ход слёзы, придётся самому мыть его и ходить после покусанным и поцарапанным, и спать с ним, и терпеть его жуткие выходки. Да если б я знал, что мне с ним ещё придётся пережить, я б тогда в штаны наложил, но всё равно не стал бы его бросать, пусть и накормленным.

Эта неприглядная девочка была тоже вроде бездомного кота. Голодная, обношенная, малость с прибабахом – ну куда она пойдёт?

Моя постель всё ещё стояла не заправленной, я немного прибрал её, взбил подушку. Бельё мама постелила вчера, так что ничего, сойдёт.

– Герман!

– А.

– Ты всегда так гостей принимаешь?

– Как?

– Не одетым.

– На себя посмотри, потом замечания делай. Малая ещё смущаться.

И всё-таки натянул первую попавшуюся футболку.

Ада засыпала так же как ела. Только коснулась подушки головой, сразу зевнула, расслабилась и уснула.

Наконец-то я мог её спокойно рассмотреть. А она, пожалуй, старше, чем я подумал. Сколько ей, интересно – четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать? Уж никак не больше. Вид как у узника Освенцима – неестественно тонкие руки, ввалившиеся щёки, фиолетовые тени под глазами, заострившийся желтоватый нос, очень бледная кожа. Поганка поганкой. Может её держали в подвале года два? Я постоял, посмотрел и снял с её головы сырое полотенце. По подушке рассыпались мокрые чёрные волосы.

Интересно, будет эдакое чудо вообще когда-нибудь красивой? Очень странные брови, узкие и чёрные, как будто их провели кисточкой, и словно изломленные посередине, одна чуть выше другой. Уши тонкие и торчащие, причём одно оттопырено чуть больше другого. Какая-то нелепая асимметрия. Острый подбородок. Выступающие скулы. Узкие губы, сложенные надменно и презрительно, отменно портили и так далеко не симпатичное лицо.

Я вышел из комнаты, прикрыл дверь, уселся на диване и стал смотреть первую попавшуюся ерунду по телевизору.

Пусть поспит. Что же с ней всё-таки делать?

В животе заурчало, и я вспомнил, что так и не позавтракал, а время, между прочим, шло к обеду. Побросав грязную посуду копиться в раковину, я поставил на огонь турку и отрезал ломоть копчёной колбасы. С колбасой в зубах сварил кофе покрепче, порылся в холодильнике и нашёл коробочку сливок. Так, попытка вторая.

– Герман!

Вот ведь чёрт! Я кинулся в комнату.

– Чего ты?

Она лежала на животе, наполовину свесившись, волосы касались пола, худые руки упирались в край кровати.

– Мне плохо… Тошнит…

Ох, нет, нет, нет! Ковёр! Меня убьют.

– Пошли скорее!

Я подхватил её и потащил в туалет, но немного не успел. Уже на финише её жутко вырвало и на унитаз, и вокруг, и на мои руки. Всё происходящее напоминало фильм ужасов. Красный борщ лился рекой вперемешку с прочими непереваренными компонентами. Девочка в моих руках извивалась от спазмов. Когда у неё не осталось больше ни сил, ни наличности в желудке, она, вся грязная, бессильно обмякла на полу.

Я снова помчался за питьём. Кажется, в таких случаях полагался крепкий чай. Я вылил всю заварку из чайника в чашку. Хуже будет вряд ли.

Ада опять всё выпила единым залпом. Да что ж такое! Ничему жизнь не учит.

Подняться самостоятельно она уже не смогла и, кажется, стала ещё меньше. Я помог ей дойти до ванной, включил душ. Подумал, что не стоит всё-таки её раздевать, и сунул в ванну вместе с халатом. Сидя в воде, похожая на мокрого галчонка, Ада судорожно вцепилась в мою руку и что-то шептала. Я наклонился ниже, чтобы расслышать в шуме воды.

– Не говори никому… я уйду… я потом уйду…

Я задумался о том, что полагается говорить в таких случаях. Ничего гениального на ум не пришло.

– Всё будет хорошо. Ада, ты слышишь меня? Как-нибудь разрулим. У всех бывают проблемы. Ну, тебе получше? Вода не горячая? Снимай эту мокреть.

– Нет… я сама…

– Успокойся, не покушусь. Давай заверну в полотенце.

Выходя из ванной, я поскользнулся и чуть её не уронил. Она снова в меня вцепилась. Руки были ледяными. Уложив её в постель и укутав, я принёс из кухни свой подостывший кофе.

– Только не опрокидывай в себя! Пей потихоньку, смакуй.

– Кофе.

– Да… пей.

– Спасибо.

– Давно не ела?

– Да… Нет… Не ела такого давно.

Чем же она питалась? Где, в каком подвале или гараже обитала до этого? Откуда сбежала, ограбив бабулек? Почему притащилась именно к нам и откуда нас знает? Я посмотрел на неё. Она без сил лежала на подушках.

– Герман.

– Ну.

– Не говори про меня никому, пожалуйста. Жаль, что так получилось. Я разберусь и уйду.

– Спи уже, потом поговоришь.

– Я не понимаю, правда… всё так странно…

Она засыпала, не так, как в первый раз, а напряжённо и тревожно. Когда сон стал крепким, я решил кое-что проверить. Осторожно взял её руку и развернул ладонью к себе. На локтевом сгибе кожа была чистой и светлой. Никаких дорожек. Одной проблемой меньше, и на том спасибо. Взял другую руку, развернул. Чисто. И тут она вздохнула, сморщила нос и пробормотала:

– Не надо. Нет. Муравьи…

Я отскочил как ужаленный, задохнувшись от нового видения – мгновенного и неожиданного. Я проваливался в болото, в густую жижу, в холодную трясину, и не было спасения, и трава выскальзывала из рук…

6

Некоторое время я стоял у кровати и только хватал воздух ртом да хлопал глазами.

Я просто устал. Так нельзя. Сам виноват, вот крыша и едет.

Всё нормально.

Я подошёл к окну, чтобы закрыть, но передумал. На улице прояснилось и потеплело. Сквозь тюль сквозили солнечные лучи. Внизу сновали дети. Прошли две девочки лет десяти, хихикая и поедая мороженое. Между машинами пролетели на роликах трое подростков неопределённого пола. Совсем мелкие ребята шумели возле горки, обкладывая её пенопластом от упаковки холодильника. Наверное, делали себе дом. Я подумал о своём *собственном* доме и усмехнулся. Он был немногим лучше.

Ада крепко спала. Я перемыл посуду после обеда, безо всякого удовольствия прибрался в туалете и в ванной, бросил в стиральную машину халат и полотенце и ещё раз пошёл взглянуть на девочку. Она спала, не изменив позы, на спине, с чуть отвёрнутой от света головой и вытянутыми вдоль тела руками. Некоторое время я тупо смотрел на неё, соображая, что всё-таки с ней делать. Так ничего путного не придумав, решил действовать дальше по ситуации.

Самое время было, наконец, перекусить. На этот раз всё

обошлось без эксцессов, если не считать что меня ни с того, ни с сего меня бесцеремонно и пребольно укусили за щиколотку. Другой на моём месте убил бы глупого кота пять тысяч раз.

– Герасим, совсем сбрендил?

Кот поглядывал воинственно и оскорблённо. Приход чужих людей сначала вызывал у него приступ неконтролируемого страха, и он забивался в самые неподходящие места. Помню, как-то раз, мне с огромным трудом удалось достать его из пространства между батареей и стеной, причём дело было зимой, и батарея была горячей. А всего-то пришёл сантехник.

Потом наступало время великого стыда из-за того что он, храбрый воин и покоритель дам, убоялся жалких людишек, и Герасим начинал доказывать свою героическую состоятельность самыми дурными способами.

Я взял его на руки и начал чесать за ушами. Важно было его вовремя успокоить, не то совсем раздухарится. Кот тут же затарахтел от удовольствия и размяк.

Я сварил себе кофе, включил ноутбук, и отдалился от реальности. Просмотрел почту, посидел в контакте, немного поработал, немного почитал, посмотрел серию «Игры престолов». Спина устала. Кофе не мешал бы ещё.

Я вновь заглянул в свою комнату. Спит как ангелок. Даже не шевельнулась.

Мне стало скучно, я включил телевизор и развалился на

диване. Кофе подействовал совсем наоборот, и я не заметил, как задремал под политические разборки. Видимо, сказалась усталость последних дней.

Проснулся от холода и от того, что затекла шея. В открытое окно глядел светло-синий вечер. Он состоял из чистого прохладного воздуха с едва уловимым запахом гари и был заполнен гулкими звуками.

Успокоенный и отдохнувший, я пошёл проверять свою гостью.

Девочка лежала так же неподвижно. Но что-то было не так. Я зажёг настольную лампу и наклонился к ней. Она стала ещё бледнее, на лбу выступили капельки пота. Я потрогал руку. Она горела. Потрогал лоб. Этого только не хватало! Принёс из аптечки термометр и сунул ей под мышку. Тридцать девять! Я тихонько потрепал её по щеке. Она что-то промычала, но глаз не открыла.

Полазав в аптечке и отрыв парацетамол, я снова начал её будить.

– Ада, ты болеешь. Выпей, слышишь.

– Н-нет. Пошли все вон.

– Выпей. Ну, давай, пей.

– Вэк!

– Что? Пей, сказал.

Она раскрыла глаза, дико посмотрела на меня, потом вокруг, и запила таблетку водой.

– Молодец. Не тошнит больше?

– Оставь меня.

Запросто могла бы прибавить в конце фразы «смерд» или «раб», по крайней мере, сказано было именно с такой интонацией! Потом презрительно поджала губы и снова провалилась в сон.

Я запаниковал. Температура была нешуточная, причин я не знал, а в случае чего, у моей гостьи не было никаких документов. К тому же девочка настоятельно просила не сдавать её никому, и чёрт её знает, что она вообще могла собой представлять.

Через полчаса градусник показал тридцать семь и семь. Я ободрился. Через час было тридцать восемь и девять. Ещё через полчаса тридцать девять и два.

Я решительно взял телефон. Не полноценный врач, конечно, но дело знает.

– Серёга, привет, ты где сейчас?

– Здесь.

В трубке вкусно причавкивало.

– Ужинаешь, что ли?

– Сейчас все нормальные люди ужинают, а нелюди их отвлекают.

– Ладно, слушай, тут такое дело…. Приехала к нам одна тётка, мамина родня, а мама в отъезде. Оставила свою дочку и смоталась куда-то. И дозвониться не могу!

– И чё? Познакомить хочешь?

– Познакомишься, пока будешь лечить. У ребёнка темпе-

ратура нешуточная. Давай приезжай.

– Симптомы?

– Тошнота, рвота, похоже, бредит.

– О, брат, похоже на инфекцию и серьёзную. Как бы мне вас обоих не пришлось в инфекционку вывозить.

– Ну, ты приедешь, нет?

– Сейчас, доем только.

В дверь позвонили через двадцать минут. Долговязый Серёга с чёрной сумкой был похож на знахаря-богомола. Он деловито вымыл руки и пошёл в мою комнату.

– Она у тебя не одета.

– Всё испортила, что было. И так сойдёт, не велика птица.

Серёга достал фонендоскоп и послушал сквозь тонкую простыню. Потом попросил меня нажать на жевательные мышцы, открыл рот и проверил горло. Ада была как тряпичная кукла.

– Не пойму, что это у неё с зубами…

– А что? – Я присел рядом.

– Дёсны все распухли. Может, цинга?

– Дай-ка гляну. Не похоже. При цинге кровят. У меня так зуб мудрости резался.

– Угу… Вот и у неё какие-то они… новые. Где, говоришь, её мать?

– Где угодно. Она у нас всегда была со странностями, в семье не без урода.

– По ней тюрьма плачет. Иди, поставь чайник, заварим

чай.

Когда я пришёл, он уже складывал свои пожитки. Ада что-то бормотала.

– Про каких-то муравьёв говорит, – сказал Серёга.

– А, это у неё бзик. Муравьёв боится, думает, в уши заползут и мозг сожрут .

Мы прошли на кухню.

– Значит, слушай. Дело плохо. Это не отравление, а анорексия, и прогрессирующая. Ты же видишь сам, она очень истощённая. Глупые девочки придумывают себе глупые идеалы красоты и морят себя голодом.

– Постой, анорексики ведь, вроде, боятся есть.

– А она ела?

– Ещё как!

– Что ела?

– Да всё! С добавкой.

– Что она ела?!

– Борщ, котлеты, хлеб, пюре…

– Герыч, ты совсем дурак? Да ты ведь тоже врач, хоть и собачий. Ты что, не видел, какая она?

– Ну, худенькая…

– Да ты убить её мог! Счастье, что её вырвало. Это ж яд для неё!

– Да не подумал я! Просила есть – дал есть.

– Её просто понесло. Представь себе, ты решил стать вегетарианцем. Месяц не ешь ни мяса, ни рыбы, два не ешь, год

не ешь. И тут тебя зовут к кому-нибудь на дачу. Приезжаешь, а там компания хорошая, солнышко сияет и вокруг потрясающе пахнет шашлычком! И ты решаешь съесть малюсенький кусочек, ничего ведь страшного не будет от крошки мяса. Знаешь, что будет потом? Ты сожрёшь всё. Своё, чужое, без разницы!

– Ну, вряд ли!

– Я тебе точно говорю. Девяносто процентов людей так срываются, научный факт! Ты не представляешь, сколько в пасху поступает больных. Весь пост было нельзя, и вдруг можно. Это ж наша страна! И, кстати, летальный исход – не редкое явление.

– У неё-то как?

– У неё не всё запущено. Волосы и ногти здоровые, блестящие, значит недавно начала.

– И что мне с ней делать?

– Сегодня есть не давай, только пить. Я тут заварил чаёк с шиповником и зверобоем, подсласти, но не очень много. Утром сварите жиденькую кашку, лучше овсяные хлопья. Завтра трясёшь эту вашу тётку и тащишь их обоих в больницу. Сдадите анализы, сделаете УЗИ желудка и печени. Пусть полежит, прокапают Рингера и глюкозу, может, витамины ещё. Хотя прокапать лучше прямо сейчас.

Серёга посмотрел строго.

– Её мать в больницу не пойдёт, – заявил я.

– Почему ещё?

– Говорю же, она странная. Она никогда её в поликлинику не водила, у ребёнка даже прививок нет. Даже не уверен, есть ли у неё документы. Кто нас без полиса примет?

Серёга глядел на меня, как на инопланетянина.

– Она вообще нормальная?

– Не всегда. Думаю, будет трудно её уломать.

– Так. Сам прокапать сумеешь?

– Может, лучше ты? Я ни разу не прокапывал людей.

– Перестань, наверняка куда легче, чем кошек. А мне сегодня некогда, у меня Света. Чувак, я всё понимаю, но и ты пойми – я потом её, может, месяц не увижу. Да чё ты? Не страшно. И потом, когда-то ведь нужно начинать. Давай всё напишу. Через пару дней оклемается, только мозги ей не забудь прополоскать. А на мать напиши гнусный донос в ювенильную юстицию.

Уже одеваясь, Серёга как-то грустно обернулся.

– Герыч, ну её, эту тётку, давай отвезу девчонку в больницу. Постараюсь договориться.

– Я сам разберусь. Спасибо, друг.

Богомол распрощался и ушёл, сжимая сумку в конечностях. Очень хороший человек!

Я остался в прихожей один. В углу валялись нелепые сапоги, короткие и широкие, как у средневекового ремесленника. Скомканное пальто было похоже на впавшего в спячку зверька. Из кухни вышел Герасим и вопросительно мяукнул. Я погладил его. Серёгу кот не боялся, он вообще гениально

разбирался в людях.

В комнате пахло дезинфицирующей жидкостью. Ада не спала и смотрела в никуда. Большие глубоко запавшие глаза ничего не выражали. Я присел на край кровати.

– Раз уж тебе стало лучше, попей чаю. Мой друг заварил, он тебя осмотрел.

Она не ответила. Я вернулся с чашкой и снова сел рядом. Ада стала пить понемногу и аккуратно.

– Ты долго голодала?

Снова молчание.

– Ада, мне нужно кое-что знать, чтобы помочь. Если хочешь, мы поедем в больницу.

– Нет.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Я так прям сразу и подумал. Скажи мне, ты сама отказывалась от пищи или тебе нечего было есть?

– Не помню.

Отвечала она сквозь зубы, будто делала одолжение. А может, было трудно говорить.

– Ну ладно. Не хочешь говорить, не надо. Отдыхай.

Я встал, поставил чашку на стол.

– Не боишься уколов?

– Нет.

– Я сбегаю по-быстрому в аптеку, лежи тихо, а то опять плохо будет.

– Что за препараты?

– Раствор Рингера и глюкоза.

– Возьми ещё гидрохлорид кокарбоксилазы, раствор ацетата натрия и витамины С и В-двенадцать. Если не трудно, – сказала она слабым голосом.

Я замер. И решил больше ничему сегодня не удивляться.

7

Ночная воскресная улица была полна цветных огней и звуков. Народ догуливал последние тёплые денёчки. То тут, то там бродили парочки. У крайнего подъезда тусовалась юные особи.

– Эй, Луговой! – От компании отделилась сутулая фигура.

– И тебе – здорово! Чего надо?

– Псина не ест весь день, икает и гадит часто. Это чего, а?

– Смотреть надо, наверно отравился. Пока постарайтесь дать энтеросгель и побольше воды.

– Энтерос… чё?

– Угля активированного дай. Всё, некогда!

– Завтра не посмотришь?

– Не знаю пока, лучше в клинику неси.

В аптеке я сгрёб в пакет целую кучу. Девушка на кассе меня узнала.

– Опять собак спасаете? Даже среди ночи? Вы прямо Ай-

болит.

Я глянул на неё. Рыжие мягкие кудряшки вокруг круглого розового лица, зелёные глаза и ладненькая фигурка, затянутая в белый халат. Она явно флиртовала, и мне ужасно захотелось с ней поболтать.

В моей квартире наедине с чокнутым котом лежит больная девочка.

– Мы, гении медицины, все такие, – пробурчал я и вышел вон.

Ада снова дремала. Я потрогал ей лоб, и она открыла глаза.

– Ну что, готова? Я всё принёс.

Я открыл дверцу шкафа и закрепил на ней капельницу.

– Раньше это делал? – она посмотрела потемневшими измученными глазами.

– Делал много раз, но не людям.

– Ветеринар?

– Почти.

– Максим очень любил собак. У него были пёс и попугай. – сказала она очень тихо.

Пёс и попугай были у отца в далёком детстве. Я вырос на рассказах о них. И сейчас решил ни о чём не расспрашивать.

Я стянул и закрепил жгут на маленькой руке выше локтя. Без моей подсказки она стала сжимать и разжимать пальцы. И волнение прошло. Это и вправду было легче, чем с кош-

ками. Я легко нашёл вену, проколол тонкую кожу и приклеил пластырь над иглой.

– У тебя лёгкая рука, – сказала она.

– Годы тренировок.

– Можешь прибавить поступление раствора.

– Нормально идёт. Не дёргайся. Сейчас приду.

На сон я уже не рассчитывал, да и не хотелось. Часа два придётся понаблюдать. Я принёс ноутбук и сел в кресло рядом с кроватью. Когда в полутёмной комнате зажёгся монитор, я заметил, что девочка не сводит с него глаз. Я открыл заложенную книгу.

– Интересная модель, – сказала она.

Мне сделалось приятно. Вот подросток, а мой комп заценила. А Серёга говорил – отстой!

– Полезная штука, – я скромно решил не вдаваться в технические подробности.

– Покажи.

Я развернулся. Она поглядела долгим взглядом.

– У Максима был похожий, но большой.

Ёшкин кот! Ещё бы, я помнил этот агрегат. Он долго пылился в углу спальни, а отцу жалко было выбрасывать его на помойку. Он хранил даже монитор, похожий на пучеглазую тумбочку. Что ж за фигня-то творится?

– Давай я поставлю музыку, и ты поспишь.

– Очень давно не слушала музыку, – сказала девочка по-моему самой себе, а не мне.

Я открыл «аудиозаписи» на своей странице и включил первое попавшееся – треки в исполнении Ричарда Клайдермана. Музыка зазвучала, и лицо Ады мне не понравилось. Было в нём что-то напряжённое, и как будто… ей стало больно.

– Выключить?

– Нет. Очень красиво.

Печальная музыка Шопена тихо разговаривала и смешивалась с городской ночью, с запахом лекарств, с отсветом рекламы за окном. Я включил книгу и стал читать, иногда поглядывая на свою чокнутую гостью. Девочка слушала, прикрыв глаза. Её лицо медленно расслаблялось.

Прошло минут сорок. Мы уже послушали Макса Грегера и Эннио Марриконе. Потом пошёл Рыбников. Рыбникова я любил, под него хорошо представлялось, как бродишь ночью под дождём, всеми покинутый и благородно одинокий.

Время от времени я проверял капельницу. Она была права – скорость можно было увеличить.

Ада не шевелилась, но я знал – она не спит.

– Хочешь попить?

– Нет, спасибо.

Джо Хисаиши возник без всякого предупреждения. Зазвучала композиция «Мама», одна из моих любимых. Я глянул на Аду. А ведь она сейчас заплачет. Мне стало неловко, и я сделал вид, что очень внимательно читаю, хотя давно уже упустил, о чём шла речь.

– Работаешь? – спросила она.

– Читаю.

– Расскажи о Максиме. Какой он был?

Я решил, что настанет время, и я узнаю ответы на вопросы, которые сейчас взрывали мне мозг.

– Он был очень хорошим человеком, и, если честно, мне кажется, он и сейчас есть. Просто уехал, и может быть, ещё вернётся.

Ада долго молчала.

– Ты знал, что он не твой настоящий отец?

– Всегда, – ответил я ровно.

– А настоящий, биологический приезжал?

– Не думаю, что он в курсе, что я существую.

– Какое у тебя отчество?

– Максимович. Они поменяли сразу.

– Он любил тебя?

– Он очень любил меня и маму.

Я посмотрел ей в глаза. Хисаиши тихо звучал медленным вальсом из «Ходячего замка».

И мне вдруг захотелось говорить.

Эта незнакомая девочка сейчас находилась со мной на одной волне. Густой сумрак, круг жёлтого света от настольной лампы, тихая, проникающая до костей музыка, не детский внимательный взгляд – всё просило открыться, высказаться, освободиться от груза.

– Он проводил с нами всё свободное время, – сказал я. –

Мы всегда куда-то ходили – на каток, в лес, в кафе. С ним очень легко было говорить, он понимал меня. Он никогда не повышал голос, напротив, говорил тихо, немного заикался, но рассказывал очень интересно. Я до сих пор иногда как бы разговариваю с ним. Он, кстати, любил осень. Зимой, говорил, холодно, летом – суетно, весной – слишком весело и грязно. И только осень не навязывается человеку, она сама по себе – хочешь, люби её, хочешь, нет. Он был такой полноватый и немного стеснительный. Очень любил сказки. У нас до сих пор сказок целый книжный шкаф. Часто он придумывал сам и рассказывал мне на ночь. Были сказки с продолжениями, иногда на целую неделю. И я там был главным героем. Он мог бы стать превосходным писателем, если бы захотел. Мама над ним иногда посмеивалась – она у меня поклонница детективов.

– Они дружно жили? – резко спросила Ада.

– Спорили иногда, как все нормальные люди. В основном из-за меня. Он всегда меня защищал. Я в детстве был таким хлюпиком, часто болел, обижался, плакал по любому поводу. Мама расстраивалась, хотела вырастить меня настоящим мужиком. А папа ценил таким как есть. Он и маму любил так же. Она мне рассказывала, как он однажды пришёл к ним в отдел, посмотрел на неё и сказал: «Вы мне очень подходите. Я думаю, нам надо познакомиться поближе. Возможно, даже стоит пожениться».

– Наверное, она посмеялась над ним.

– Посмялась. Но он не отстал. И они поженились.

Девочка что-то хотела сказать, но, видно, передумала. Зазвучала ещё одна из моих любимых композиций – «Пылью на твоих руках». Пусть волшебство продлится. Я знал, это ненадолго. Мне захотелось рассказать об очень многом незнакомому больному человеку – девочке, которая умеет слушать и понимает музыку.

– За год до… того, что случилось, он ходил со мной на рыбалку. Первый и единственный раз в жизни. Мама тоже собиралась с нами, но как-то не смогла. Мы поставили палатку в совершенно глухом месте, набрызгались от комаров и стали ждать заката на берегу. Речка была небольшая и тихая-тихая, как зеркало. Это было очень красиво. Закат, луна, тёмные кусты, спокойная вода, поплавки подёргиваются. Да, трава ещё так пахла, какими-то цветами… И вдруг что-то выплыло на середину, хлопнулось и мы услышали смех – тонкий-тонкий. А отец сказал: «Смотри, это русалка». Смешно, конечно, но я до сих пор в это верю.

– Верь. Ещё и не такое бывает.

Ада закрыла глаза. Я замолчал. Незаметной тёмной тенью в комнату прокрался кот и притаился в углу, всё ещё подозрительно наблюдая.

– Герман, это судьба. Он всё равно бы долго не прожил, у него было больное сердце. Ты знал?

– Знал. Но было бы ещё десять, может, пятнадцать лет.

– Скорее всего, меньше. Он мог умереть ещё в детстве,

несколько раз. Я перед ним так виновата.

По моей спине пробежали мурашки. Мне не послышалось. На секунду захотелось потрясти её как следует. Да кто ты такая, чёрт тебя дери? Но странное внутреннее чувство будто шептало – не торопись, наберись терпения.

Раствор закончился, и я осторожно вынул иглу и прижал вену ваткой. Она посмотрела на меня.

– Я создаю тебе массу хлопот.

– Ветеринары тоже дают клятву Гиппократа, если хотят, конечно. Человек ведь – животное. Так что я исполняю свой священный долг. Давай введу В-двенадцать.

Я продезинфицировал руки и смазал спиртом кожу на её плече. Почему-то в первый раз было легче. Теперь я чувствовал себя уже не так уверенно. Инъекция довольно болезненная, по крайней мере, мои обычные пациенты после неё реагировали бурно и громко меня проклинали.

– Давай сделаю сама. – Сказала Ада.

Зря сказала. Прямо вызов.

– Всё нормально.

Захватив кожу двумя пальцами, я ввёл иглу на две трети. Ада даже не поморщилась. Вынув иглу, я прижал ватку.

– Моцарт, – пробормотала Ада.

Лёгкая струящаяся мелодия, минорная и светлая, медленно поплыла, будя воспоминания, – те моменты, которые были задвинуты далеко за ненадобностью, а теперь вдруг оказались важными, и с радостью вынырнули из небытия.

Жаркий день. Жужжание пчёл над пёстрым лугом. Вершина холма, на который мы только что, потея, взобрались. «Марина, Гера, посмотрите, какая красотища! Я ведь говорил!». Огромное выгоревшее от солнца небо. Осторожно смотрю вниз. Страшно. В животе холодеет, и я висну на отцовой руке. Запах подсохшей травы. Бутерброды с сыром. Тёплая вода из бутылки.

«Давай напугаем маму!». Мы втискиваемся под кровать перед самым её приходом – я легко, отец с трудом. Пахнет пылью и хочется засмеяться. Ничего не подозревающая жертва открывает дверь, входит, напевая, и начинает переодеваться. Перед моим носом свешивается серый край юбки. Я, давясь от смеха, зажимаю рот рукой, и тут же чувствую толчок в бок. Это сигнал. Зловещий волчий вой. Кровать чуть не ломается, когда мама вскакивает на неё с ногами. «А-а-а! Дураки!»

– Тебе повезло.

Ада всё так же пристально смотрела на меня, пока я прибирал на столике иголки и поломанные ампулы.

– А тебе?

Ну вот, всё-таки спросил. Она чуть улыбнулась.

– Мои родители умерли. Очень давно. Я была маленькой. Но я их помню. Это самое лучшее из того, что стоит вспоминать.

– Это, наверное, ужасно. Мне, правда, жаль. С кем же ты

жила?

– Одна.

– Совсем одна?

– Да. Но это было уже потом.

Она снова замолчала, слушая музыку с полузакрытыми глазами.

И тут у меня родилась идея. Я быстро свернул Гугл и открыл папку на рабочем столе. Когда отца не стало, на меня, тогда ещё подростка, время от времени накатывала дикая тоска. Хотелось что-то делать, хоть на миг вернуть видимость его присутствия. И я скачал его любимую музыку и слушал, слушал, слушал, надрывая душу себе и матери. А потом перестал, и больше не касался этой папки. Ранний «Скорпионс», лучшее из «Битлз», Цой, Шевчук, и тут же Марк Бернес, и гитара Гойи, русские народные, шотландские баллады, и много чего ещё – безо всякой системы. Но была одна особенная детская песенка. Он мне пел её на ночь. Только её, другие он просто не умел. Поэтому и здесь она была в мужском исполнении.

Внимательно следя за лицом Ады, я включил трек.

Музыка зазвучала. Ада застыла, широко раскрыв глаза. Одна бровь поднялась выше.

Все уснули до рассвета,
Лишь зеленая карета

Мчится, мчится в вышине,
В серебристой тишине.

Лицо исказилось, как будто ей стало больно. Она напряглась и вся повернулась к источнику звука.

Шесть коней разгоряченных
В шляпах алых и зеленых
Над землей несутся вскачь,
На запятках черный грач.

– Сейчас же выключи, – сказала Ада.

Это был приказ. Я среагировал не сразу, так потрясло меня её поведение. Это ведь всего лишь песня. Да, смысловая для меня. Ну и что?

Не угнаться за каретой,
Ведь весна в карете этой…

Повисла тишина. Ада закрыла лицо руками и отвернулась к стене. Мне снова стало неловко, как будто я нечаянно подсмотрел запретное.

Ада развернулась. Она не плакала. Лицо было злым. Глядя на меня прищуренными глазами, она начала говорить скороговоркой.

– Герман, спасибо тебе большое за всё. Я… не смогу теперь, правда… но потом я обязательно отблагодарю тебя, вот

увидишь, я покрою все расходы. У меня был очень непростой день. Так много случилось, что в голове не укладывается. Давай так – я буду тебя спрашивать, а ты отвечай. Ладно? Это очень важно!

Я воспользовался тем, что у неё закончился воздух.

– Чё-то я сейчас не понял, кто тут командир. Обалдеть просто! Представь себе, мне тоже хочется кое о чём спросить. Но я, как видишь, веду себя деликатно. Деньги твои мне не нужны. Просто отдыхай, хорошо выспись. Завтра будет день.

– Я завтра уйду! Просто так получилось, но я уйду, правда…

– И тебя найдут под забором в твоём чудесном пальто, погибшую от истощения. Не надо глупостей. Завтра тебе будет хуже.

– Мне нельзя здесь оставаться! Я не могу тут!

– Ну, придётся потерпеть. Или скорая помощь, как вариант.

– Послушай меня! – крикнула она так, что аж закашлялась.

– Нет, это ты послушай! – почти заорал я. – Ты пришла сама. Никто тебя не звал, но ты пришла к нам. Я помогаю, чем могу. У меня такие гости тоже не каждый день бывают! Ты что думаешь – ты такой из себя подарок, а я именинник? Я ж тебе, дуре, добра желаю. И в ответ всего лишь требую не перечить мне. Просто не мешай, поняла! Повторяю, я не лезу

к тебе с расспросами, не спрашиваю документы, не звоню в полицию! Лежи уже и помалкивай.

Она прямо глазами засверкала от такого отпора. А как ты хотела? Ты бы попробовала у овчарки удалить чирей без наркоза. Или уверить блондинистую хозяйку гламурненького пёсика в необходимости удаления у него части больного ушка. В нашем деле важна твёрдость. Потом ещё спасибо скажешь.

– Хорошо! Хорошо. Что ты собираешься со мной делать дальше? Всё равно твоя мать выкинет меня.

– Будет день – будут и песни, – спокойнее сказал я. – Тебе, наверное, в туалет хочется, жидкости влилось много. Давай провожу.

– Сама.

Ну, давай-давай, барабанная дробь. Она завернулась в простыню, лихо встала и, задрав нос, пошла из комнаты. Уже на пороге её повело, и если бы я не подхватил, она бы и этот косяк отметила своим черепом. Я дотащил её до нужного помещения и велел на всякий случай не запираться.

Начала болеть голова. Я глянул на часы. Три часа, четвёртый. На завтра все планы накрылись. Я почувствовал злобное раздражение, но не из-за того, что понедельник потерян, а потому что я повёл себя как кретин. Взял и разоткровенничался, как бабуська в плацкартном вагоне, поддался на расспросы человека, о котором вообще ничего не знаю .

Послышался звук сливаемой воды, и Ада вышла, важ-

ная как индейский вождь. Я не удержался и фыркнул. Она неодобрительно глянула на меня.

– Можно какую-нибудь одежду, пожалуйста.

В этот раз я не стал брать мамины вещи, а дал ей свою футболку из тех, что поновее и посвободнее.

– Как себя чувствуешь?

– Спасибо, гораздо лучше.

– Спокойной ночи! Зови, если что.

Прикрыв дверь, я отправился спать в мамину комнату. Раздеваться не стал, так и лёг на спину по диагонали кровати. Голова раскалывалась, но сон не шёл. Меня тянуло к моему компу, но он остался с девчонкой, а её общества мне хватило сегодня с лихом. Просто надо полежать с закрытыми глазами и отдохнуть. В голову лезли всякие мысли. Я их гнал, чтобы не провоцировать мигрень. Думай о хорошем, думай о хорошем… Завтра я не пойду на учёбу и на работу. Завтра, нет уже сегодня, надо что-то наврать. Я заболел. У нас залило квартиру. Сломался замок. Угнали машину. Подобрал ненормальную бродяжку. Чёрт.

За дверью что-то двинулось. Я бы сам не расслышал, но Герасим моментально поднял уши и напрягся. Куда это мы? Порыться в маминых шкатулках, спустить мой ноут из окна подельнику или зарезать меня во сне?

Я бесшумно слез с кровати, босиком прокрался по коридору в кухню и включил свет. Ада вздрогнула и выронила из рук кусок хлеба.

8

Скоро ботинки развалятся, я совсем разобью ноги и не смогу идти. Лошадь долго не протянет. Я одна и вокруг нет человеческого жилья. Только песок и камни, но песка больше. Днём он жжёт кожу сквозь подошвы. Ночью от почвы поднимается холод и проникает до костей. Нужно идти всю ночь, не останавливаться. Днём – найти убежище и поспать.

Я смотрю вверх. Холодное, светлеющее на востоке небо. Чужие равнодушные звёзды. Я ищу Полярную звезду и сверяю направление. Всё правильно.

Сколько ещё протянет Орлиха? Может, дня три, может, меньше.

Я намечаю на горизонте горбатый каменный островок с редкими кустами. Встанем там, надо поспать. Идти часа два, за это время рассветёт и будет теплее. Как холодно. Как я устала. Спать.

Теперь я намечаю близкие цели, и, дойдя до них, позволяю себе и лошади постоять секунд тридцать. Больше нельзя, а то упаду и не встану. Острый камень. Сусличья нора. Сухой куст. Ещё камень. Пучок травы.

Что-то шевелится. Я настораживаюсь. Не двигаться, это рядом. Из невидимой норки осторожно вылезает скорпион и медленно ползёт по песку. Он слишком поздно замечает меня. Я прижимаю его ногой и быстро срезаю ножом жало. Рас-

ковыряв панцирь, высасываю содержимое дочиста и выкидываю пустые хитиновые скорлупки. Во рту повисает горьковатый вкус.

Восток светлеет. По пустыне проносится леденящий ветерок. Я потуже завязываю пояс и сую руки в карманы куртки. Ещё половина пути, нет, больше. Под ногами мелькает мелкий зверёк. Слишком быстрый, не поймать.

По набережной едут люди. Прозрачно-синее небо с тёмными облаками обрастает звёздами. Женщина в светлом пальто быстро идёт в сторону булочной. Загораются окна домов – жёлтые, алые и оранжевые квадраты. Из открытой форточки гнусаво поёт радио.

Я трясу головой. Не спать.

Мой путь бесконечен и вся жизнь – пустыня. Больше ничего нет – так, было не со мной, привиделось, приснилось и растаяло. Есть только пески, камни и холод.

Мы добредаем до камня. Я так устала, что не чувствую ног.

Тут можно выспаться. Скоро будет жарко. У скалы удобный выступ, хватит места обоим. Лошадь опускает голову и скорбно фыркает.

Больше всего хочется упасть и забыться, но нужно сделать кое-что ещё. Иначе не выживу.

Я ласково глажу Орлиху, и она всё понимает. Необходимость для меня, милосердие для неё. Чем меньше проживёт, тем ей легче. Обняв лошадь за шею, я медленно провожу но-

жом по мягкой шкуре.

Я резко проснулась, и не сразу поняла, где я и что со мной. Чужая комната, чужая постель. Быстро выпростав руки из-под одеяла, я посмотрела на них. Ничего не изменилось. Я закрыла глаза и полежала, обдумывая своё состояние. С одной стороны, то, что произошло, было противоестественно, нелепо, нереально. С другой – воспринималось теперь как-то спокойнее, как будто, так и надо.

Но зачем?! Кому всё это понадобилось, для каких целей? Ведь был же кто-то, я помнила. Большие руки, пальто…

Не сейчас. Спать. Я не буду об этом думать. Я сто лет не ела и тысячу лет не спала. Не бегала, не прыгала из окон. Я вечность не погружалась в тёплую ванну. И столько же не видела человека, не говорила, не слышала музыки.

Господи, может ты и правда есть. Тогда будет хоть какое-то объяснение. Потому что я заслужила наказание. Возможно, это только начало.

Спать, спать. Я закрыла глаза и попыталась успокоиться и *уйти*, но ничего не вышло. Я могла только заснуть, нормально, по-человечески заснуть, это было необыкновенно и приятно. Я очень устала.

Йозеф сидит за столом напротив меня и улыбается. Красивое лицо. Немного длинноватое и узкое, но красивое. В больших светло-голубых глазах отражается огонёк свечи.

Перед ним стоит тарелка с кусочками бекона и бокал вина. Эстет. Даже тут умудряется найти вино, хотя если пьёшь, чтоб напиться, не всё ли равно, сошёл бы и перегон. Йозеф поднимает хрустальный фужер с отбитым краем.

– Я пью за мой героический красивый девушка.

Я прекрасно поняла бы и на немецком. В такой ситуации и конь бы понял. Но я благодарно улыбаюсь – мой герой ради меня учит мой язык.

– Это ты, Йозеф, герой. Ты нас спас.

– Солдат должен быть справедлив. Женщина и слабый человек не должен воевать.

– Как хорошо сказано.

Я расправляю складки на жемчужно-белом крепдешиновом платье. Из чьего шкафа достал его Йозеф, чтобы подарить? А мог с кого-нибудь и снять, хорошо, если с живого. Приятно носить крепдешин, он холодит кожу и не колется.

Я смотрю на Йозефа и снова улыбаюсь ему.

Убить бы его сегодня и закончить эту канитель. Но придётся подождать.

Я медленно пью вино. Надо же, мускат. Нежный вкус переливается во рту, будя воспоминания. Тётя Поля любила пить мускат, сидя вечером на веранде своего открыточного домика. Тёти Поли никогда больше не будет, не надо о ней думать.

И нельзя расслабляться. Я отставляю недопитый бокал.

– Ты мало ешь, мало пьёшь.

Надо отдать ему должное, говорит он без шипящего акцента, свойственного его народу. Может, это из-за хорошего музыкального слуха.

– Не хочется, спасибо.

Йозеф снова приветливо улыбается.

– Скоро зима. Мы ехать отпуск. Ты ехать наш дом. Мой дом хороший. Видеть горы.

Удивил. Не думала, что ты настолько сентиментален.

– Йозеф, стоит ли? Мы так мало знакомы.

– Я решил. Я написал мама.

Маму ты больше не увидишь. До зимы не доживёшь. Мне становится скучно, и хочется скорее закончить этот вечер с вином, свечами и театральными паузами.

– О, Йозеф.

– Мы ехать в конец ноябрь.

Он встаёт и кладёт руки на мои плечи. Тут полагается вздрогнуть, кротко вздохнуть и обернуться, поднять и снова опустить глаза. Можно ещё коснуться кончиками пальцев его рук, как бы случайно, но я уже и так сделала довольно, судя по его масляным глазам.

– Спокойной ночи, Йозеф. Я, пожалуй, пойду, уже так поздно.

Я вздыхаю и встаю из-за стола.

– О, мой красивый девочка!

Он прижимает меня к груди. Я утыкаюсь носом в серое сукно и поднимаю руки ему на плечи. Пахнет табаком, потом

и французским одеколоном. Напротив моих глаз распростёр крылья стальной орёл.

Оох, сколько же я спала! Я сладко потянулась и перевернулась на живот. Ладно, пусть будут руки и ноги. И гибкая спина.

Солнечный свет лился из окна. Я подставила под него свои пальцы – тонкие, просвечивающие розовым, с маленькими поломанными ногтями. Закрыла глаза, и голова сразу наполнилась мыслями и желаниями. Я представила себе вкус кофе. Вчера я пила кофе. Рот наполнился слюной, в животе заурчало. Хорошо бы ещё… ну, положим, хлеб. Белый, свежий, с хрустящей пахучей чёрной корочкой. И на нём розовый кусочек сёмги. Или хотя бы селёдки. Голод мучительно, как вчера, сжал внутренности.

А тут вдруг ещё вспомнилось вчерашнее, и я почувствовала стыд и прилив злости.

Как же всё отвратительно сложилось! Эта проклятая беспомощность, слабость. Этот мальчишка. Я принялась прокручивать произошедшее вчера, удивляясь не столько тому, чему стоило бы удивляться в моём положении, а собственным эмоциям. Они просто били ключом, и это было непривычно, дико, непонятно. Память подкидывала то с той, то с другой стороны яркие картинки.

Вкус горячего борща. Сметана. Ммм…

Туалет. Меня же стошнило на него. Боже, какой позор!

Хотя, чего уж тут…

Это он меня одел или я сама? Чёрт побери, мне ли стесняться! И кого!

Тёплая вода, ванна. Благодать.

Зачем он завёл эту проклятую музыку?

Злость снова закипела, и вместе с ней какое-то щемящее, незнакомое чувство. Волнение? Страх?

Это очень мешало сосредоточиться. А надо было думать, что делать.

Но сначала нужно было утолить голод. Волна непривычного смущения вновь ударила в щёки, когда я вспомнила, как прокралась на кухню, чтобы стащить кусок хлеба. И как позорно меня поймали и отвели обратно в комнату. Чёрт, чёрт, чёрт!

Я осторожно села, спустила ноги с кровати и чуть не наступила на спящего человека. Ну конечно, вчера он запер комнату изнутри и улёгся охранять на пол, как собака.

Как глупо. С одной стороны, я же могу его разбудить. Я гостья и больна. С другой стороны – человек вчера поздно лёг, беспокоился, вызвал врача, возился со мной, устал. Подожду. Бывало и хуже.

Я осмотрела комнату, отмечая вещи, назначение которых было непонятно. Вот странная штуковина, прилепившаяся у окна. Не похоже на люстру или бра. Может такой мусоропровод? Но почему наверху? А эта вещь на столе похожа на глаз с одной ногой. Интересные обои. Я провела рукой по

тиснёному рисунку – мягкие, будто из плотной ткани, наверное, дорогие.

Голод становился сильнее. Ощущение было такое, что я не ела дней десять. Я легла на край кровати, прижала ноги к животу и стала рассматривать Германа.

Люди обычно так не спят. Так ложатся отдохнуть в траву косари в деревне после обеда, когда всякое живое существо смаривает полуденная жара. Он лежал на спине, вытянувшись почти во всю ширину комнаты, подложив под голову ладони согнутых в локтях рук. Не хватало только травинки во рту.

Я снова ощутила странное чувство – одновременно скованности, волнения и смущения, и не сразу поняла его причину. А когда до меня дошло, чем оно вызвано, вновь пришло удивление. И злость на себя. Чёрт! Что за дурость?

Я была смущена тем, что я не одна. Я настолько отвыкла от людского общества, так одичала, что один вид человека наводил на меня оторопь. Вчера мне было не до этого. А сегодня я смотрела на мальчишку и понятия не имела, как себя с ним вести, когда он проснётся.

Я поймала себя на том, что грызу кончик ногтя. Отвратительная привычка, нельзя так опускаться. В своей жизни я видела десятки, сотни, тысячи людей – мужчин и женщин, красивых и страшных, здоровых и больных, живых и мёртвых, и по большей части относилась к ним не хуже и не лучше, чем к животным. Никто в здравом уме не станет крас-

неть, увидев на улице кошку или собаку.

Надо было как-то отвлечься. От нечего делать я стала внимательно рассматривать спящего. На него приятно было смотреть, это я заметила даже вчера, когда мне было плохо. Хорошо сложён. Черты лица правильные, крупные, открытые. По-своему красив. Как раз так, как положено мужчине. Не смазлив, не излишне брутален. Есть переходный возраст, когда не скажешь точно – мальчик это или юноша. А про этого не скажешь – юноша или мужчина. Детское, мягкое, нескладное ушло, а матёрое, самцовое ещё не появилось. Молодец, Марина, давай зачетку, «отлично». А над тобой ещё смеялись! Как ты там говорила? «*Хороший генотип. Долго искала именно такой материал – внешность, интеллект, хорошая родословная*». Шалава.

Я с неприязнью подумала про Марину – о её мелких светлых завитушках, о румянах на подвядших щеках, о неприятной манере сцеплять и тут же раскидывать пальцы… Не такой я желала Максиму, не такой…

И тут ни с того, ни с сего появилось шальное желание дотронуться до него. Осязание, обоняние, слух, вкус… только сейчас я поняла, какой это дар. Я страшно долго не ведала этих ощущений. Это было тоже сродни голоду – жажда познания, потребность ощущений. Все органы чувств работали по-другому, как не работали никогда. Все нервы были обнажены и уязвимы.

В солнечном луче медленно кружились микроскопиче-

ские пылинки. Между тиснением на обоях пестрели мраморные пятнышки, и одно было похоже на тушканчика. От подушки шёл слабый цветочный запах. Переплетение ниток на ткани завораживало. Машина пронеслась за окном. Колыхнулась занавеска. Такая гладкая кожа, наверное, тёплая.

И я коснулась плеча человека. Очень осторожно. Тёплая. Даже не шелохнулся. Я потрогала волосы. Мягкие, тёмно-каштановые, немного вьются. Длинные. Глупость какая. У меня обычно были короче. Я дотронулась до своих волос, рассмотрела прядь в луче света. Совсем чёрные, как в детстве. «*Как воронёнок, вся в отца. А глаза мамкины*». Надо будет остричь. Хотя, не всё ли равно.

Всё-таки решившись разбудить его, я протянула руку, и дотронулась до щеки.

Он ухмыльнулся во сне. И тут на меня кинулся зверь.

9

Заорав от боли и испуга, я отдёрнула укушенную руку. Чёрный котище зашипел на груди у Германа, прижал уши и встопорщил шерсть на загривке.

– Фу, нельзя, плохой кот! – Герман вмиг сгрёб завывающую тварь и стал сразу чесать кота за ушами. – Укусил тебя? Испугалась?

– Тварь!

– Ну… не подарок. Как только пролез вчера? Я же дверь

закрыл. Сейчас обработаю, только его утихомирю, а то опять бросится.

Кот злобно глянул на меня жёлтыми глазами и издал низкое угрожающее урчание.

– Ну, всё, сказал! Спокойно. Так-то он хороший, просто не любит чужих. Защищает меня, где надо и где не надо.

Герман продолжал чесать чёрную скотину. И вдруг кот громко замурзился и расслабленно вытянулся у него в руках. Прижимая пораненную руку к груди, я вытаращилась на них обоих.

– У него ведь… три ноги.

Герман улыбнулся.

– Ну и что такого? Было бы семь или восемь – был бы номер. А так… одной меньше, одной больше.

– Ты же ветеринар. Зачем обрекать животное на мучения? Надо было усыпить.

– Давай-ка, посоветуй мне ещё… я тебя сам усыплю. Кто тут мучается? Всё чудесно, все счастливы.

– Он не проживёт долго.

– Ой, не морочьте мне голову. Ему куча лет, живёт и получает от жизни все удовольствия. Всё, Герасим, хорош. Иди уже.

– Сколько ему?

– Пятнадцать.

– Коты столько не живут.

– Это их проблемы. Мой живёт.

Герман отпустил кота на пол и встал. Когда голова попала в сноп света, волосы на секунду загорелись рыжим. Хорошо хоть не блондин, уж эта мне белобровая розоволицая порода!

– Как спала? Голова болит?

– Кружится.

– Это нормально. Сиди, сейчас обработаю руку.

Он вернулся с перекисью и пластырем.

– Он у тебя не бешеный? – сердито спросила я.

– Не боись, всё проверено.

– У тебя все руки в шрамах. Это он?

– Только один его, остальные – от пациентов.

– Этот от кого? Лечил тигра?

Через запястье прошли кривые белые полосы. Пользуясь случаем, я вновь дотронулась до тёплой кожи.

– Всё равно не поверишь. Бобра.

– Что? Где ты взял бобра?

– Проходили практику в зоопарке. Мне достался бобёр – его надо было осмотреть и привить. Вообще-то так делать нельзя – просто взять и подойти. Дурака свалял, думал, он спит. Такой был милый, прямо лапочка. Чего смешного? Это был здоровенный бобёр, как половина меня. Как вскочит – капец просто, ладно ещё не укусил, они вон деревья перекусывают. Смеётся она…

Я и впрямь смеялась как припадочная. Чувствовала себя последней дурой, но остановиться не могла, испытывая но-

вое, ни с чем несравнимое удовольствие – хохотать. Просто как представила… Герман пытается увалить бобра. Бобёр – гладкий, жирный, с круглой усатой мордой, бьёт кожаным хвостом, хмурит жёсткие брови, уходит от захвата и заваливает противника одной лапой.

– Извини… я просто представила…

– Да ладно, ржи дальше. Ну, всё, обработал. Вон Герасим пришёл прощенья просить.

Кот вошёл в комнату с невинным и самодовольным видом, как будто ничего и не случилось. Шёл он удивительно ровной походкой на своих трёх лапах и помахивал кончиком пушистого хвоста. Он оказался не совсем чёрным – брюхо, грудь, передняя лапа и половина задней были белыми.

Мы сидели на кухне. Мне досталась овсяная каша с молоком и сахаром. Я старалась есть аккуратно и не смотреть на колбасу и сыр на бутерброде Германа, которые он беззастенчиво уплетал. Но и каша была неплоха. А кофе со сливками! Прежде чем отпить, я медленно втянула в себя аромат. Это было наслаждение.

– Это что у вас такое? – показала я на аппарат, похожий на маленькую муфельную печь.

– Микроволновка. Ты чё, с другой планеты?

– Почти. Зачем она?

– Готовить, разогревать еду, можно делать горячие бутерброды. Хорошая вещь. Ты вчера её испугалась.

– Да, было неожиданно. А это что?

– Мультиварка. Можно быстро готовить суп или второе. Даже печь хлеб.

– А в духовке нельзя?

– Можно, конечно.

– А это?

– Ада, ну ты даёшь! Ты и телевизор не видела?

– Видела, но этот плоский. Где у него кинескоп? А как включать?

– Запущенный случай. Держи. Знаешь что это?

– Пульт, – сказала я, и нажала на красную кнопку. Экран загорелся. С ума сойти, какое качество изображения!

Я нажала на серую кнопку, потом на другую.

– Сколько всего программ?

– Каналов-то? Около девяносто, точно не знаю.

– Зачем столько?

Герман фыркнул в чашку и чуть не подавился.

– Хороший вопрос.

Да я его веселю. Ещё бы, чудо какое!

Внезапно я ощутила дурноту, не такую как вчера, но достаточно неприятную.

– Пойду, лягу. Спасибо.

– Тебе плохо?

– Нормально.

Было такое ощущение, что я не позавтракала, а разгрузила вагон. Я забралась в постель и накрылась одеялом.

– Мёрзнешь? Дай-ка лоб. Не горячий. Сейчас давление смеряю.

Тёплые пальцы. Быстрые уверенные движения. Я откинулась на подушку.

– У, какие руки ледяные. Упадок сил.

Манжета стала надуваться. Новый прибор, очень удобный. Надо же, всё видно на экране.

– Давление низковатое.

– Свари ещё кофе, вот и повысится.

– Пока не стоит. Тебе надо отдохнуть.

– Я больше не хочу спать.

– Просто полежи.

Он встал, убрал тонометр в коробку и застыл посреди комнаты. Ему точно хотелось что-то сказать, но он не решался. Это было любопытно.

– Ада, не хочу тебя напрягать лишнего, но мне надо знать несколько вещей. Это необходимо. Только самое важное, и отстану.

– Спрашивай.

Он волновался. Я прекрасно его понимала. Чего я только вчера не наговорила! У мальчика должна голова кругом идти.

– Ну, первое. У тебя есть проблемы с законом? Ты… ни во что такое не вляпалась?

Он посмотрел мне в глаза. Кто-то, видно, сказал ему в детстве, что никто ему при этом не сможет соврать.

– Нет.

– Хорошо. У тебя есть документы?

– Считай, что нет. Нет.

– Употребляешь наркотики?

– Нет, конечно.

– Кто-нибудь… обидел тебя?

– Меня никто не насиловал и ни к чему не принуждал. Всё в порядке.

– Ты приехала издалека?

– Я пришла пешком.

– Ты знаешь мою маму?

– Знала когда-то.

– Родственница?

– Не совсем. Не тебе.

– Отцу?

– Да.

– Ты его дочь?

– Нет. Нет!

– Ну, вот и ладно.

Он встал и пошёл из комнаты.

– Это всё? – удивилась я.

– Пока – да.

– Больше ничего не интересует?

Будь я на его месте, вытрясла бы всё, что только можно. Но этот парень был со странностями, пора было это понять.

– Захочешь – расскажешь.

Если расскажу, ты, дружок, мне, точно не поверишь. Я закрыла глаза. Сквозь веки просвечивало солнце. Я начала согреваться. Дурнота отступала.

Вошёл Герман, застёгивая рубашку.

– Уходишь? – спросила я, внезапно поняв, что останусь одна в чужом доме.

– Тебе одежда нужна или нет?

Про одежду я совсем позабыла. Даже не совсем помнила, во что была вчера одета. Какая-то рвань. У меня нет ничего своего. Ничего! Даже нижнего белья.

– Ничего элитного не обещаю, сразу говорю. Только эконом-вариант. Что обычно носишь?

Обычно я носила костюмы и платья из тонкой шерсти и льна, и заказывала их только у одной портнихи. Хорошая была портниха, жаль что померла. А ткани привозила из-за границы.

– Да всё равно.

– Класс! Все женщины бы так говорили. Давай я поставлю какое-нибудь кино, посмотришь. Что ты хочешь?

– Можно любое? А старое можно? Нет, не надо. Поставь лучше музыку.

– Заскучаешь.

– Нет.

– Ладно. Я скоро вернусь. Веди себя хорошо. Кота не бойся, он больше не тронет.

Хлопнула входная дверь. Я осталась сидеть на крова-

ти, объятая звуками. Вдруг стало страшно. Это не правда. Не правда. Я встала, подошла к окну, и, опершись на подоконник, поглядела на мир. Это не может быть настоящим. Слишком хорошо. Слишком ярко и шумно. Внизу я увидела Германа. Он шёл, закинув куртку на одно плечо, быстро шагая длинными ногами. Словно почувствовав мой взгляд, он повернул голову, увидел меня в окне и погрозил пальцем.

На подоконник прыгнул кот, и я рефлекторно отскочила. Герасим посмотрел презрительно и начал с важным видом вылизывать себя между ног. Скотина. Я его больше не интересовала.

Борясь с головокружением и держась за стены, я пошла в гостиную. Книжный шкаф. Я видела вчера, там сохранилось не всё. Стоя посреди комнаты, как заворожённая, я смотрела на старую мебель. Всё пережил, молодец.

Я провела рукой по боковой панели, здороваясь с тёплым деревянным знакомым. Две нижние полки были закрыты дубовыми дверцами. Подёргала. Заперто на ключ. Верхние полки прикрывались застеклёнными створками в рамках с диагональными решётками. Тоже заперто.

Я села на пол. Не хотелось уходить отсюда. Я шла сюда не только к дорогому человеку, но и к вещам.

Звучала медленная композиция неизвестного мне автора. На общем минорном фоне проникновенно пела виолончель. Свет лился в окно, в нём танцевали тонкие пылинки. Из открытой форточки доносились звуки жизни – женский смех,

шум машин, визг детей.

Я ощутила почти физическую боль. Всё слишком сильно и ярко. Пронзительно.

Я легла на ковёр, свернулась как эмбрион, прижала колени к груди и тихонько завыла.

Ибо за долгие годы разучилась по-настоящему плакать.

10

Первым другом в моей жизни случился Тимур. Кира появилась через минуту, а Серёга – спустя день.

Мальчик стоял возле качелей, потом подошёл ко мне и поднял на меня глаза. Я растерялся и оробел, хотя он был намного меньше, да и драться не собирался. Он так посмотрел!

Я протянул ему свой бластер, который мог завывать и загораться синим светом.

– Хочешь посмотреть?

Не сводя с меня своих удивительных глаз, мальчик молча взял игрушку.

– Тимур, нельзя брать чужое. Отдай сейчас же.

На девочке была ярко-красная шапка с огромной пампушкой и зелёная куртка. Она была одного со мной роста, но выглядела совсем большой. Наверное, уже ходила в школу.

– Я тут всех знаю. Вы тут не живёте, – сказал я.

– Мы сюда переехали. Вон наш балкон, – девочка неопределённо махнула рукой в сторону нашей пятиэтажки.

Она тоже рассматривала меня, но не так, как брат, а обычно. То, что Тимур – её брат, я понял сразу. Очень важно было выяснить, насколько она меня старше, чтобы решить, как с ней разговаривать.

– Тебе сколько лет? – спросил я.

– Семь. А Тимуру – шесть. Меня Кира зовут.

– А меня – Герман.

– Таких имён не бывает.

– Бывает. Это ваших не бывает.

Тут бы следовало поругаться, а то и подраться. Но они стояли всё так же, глядя на меня, как на неведому зверушку. Надо было что-то сказать.

– А я зарыл секретики. Хотите, покажу?

– Покажи, – сказала Кира. Тимур по-прежнему молчал.

Я повёл их в заросший кустами палисадник и, пачкая руки, разгрёб мокрый снег и землю. Под зарытыми стёклами всех цветов переливались куски фольги, бусинки, пуговки, листочки и куски открыток. Это меня папа научил.

– Здорово, – сказала Кира. Тимур осторожно потрогал сокровища.

– Только не выковыривайте, а то будет некрасиво. И никому не говорите.

Ребята одновременно кивнули. Мы снова накидали сверху грязь и посыпали снегом. Я поставил палочки, чтобы потом найти.

– А у нас есть хомячки. Мы тебе покажем. Только к нам

сейчас нельзя, у нас беспорядок и везде всё валяется. – сказала Кира и взяла брата за руку.

– Ты к нам приходи. Потом. У нас квартира номер двадцать три. – сказал Тимур и я решил, что обязательно приду.

Мы втроём носились по двору как бешеные. Быстрее всех бегала Кира, зато мелкий Тимур был неутомимым, хитрым и петлял как заяц. Меня догнать было легко, я быстро выдыхался. Кира, быстро поняв это, давала мне фору, громко считала до пяти, и только потом бросалась догонять. Неожиданно мне наперерез бросился ещё один мальчик, и слегка толкнул плечом.

– Вадишь! – крикнула мне Кира.

Я, недолго думая, стукнул мальчишку по спине, потому что ни на Киру, ни на Тимура уже сил не было.

– Вадишь!

Тот только этого и ждал, побежал и быстро догнал Тимура.

Красные и счастливые, мы, наконец, остановились возле качелей. Кира сразу влезла на них ногами и стала раскачиваться.

Тимур разглядывал мальчика. Тому, видно, стало не по себе от его взгляда, и он встал поближе ко мне. Мальчик был худенький и длинношеий. Когда он улыбнулся, я увидел, что у него почти нет зубов.

– Эй, все зубы растерял! – рассмеялся я. Мальчик тоже.

Другой бы обиделся.

– Это Серёжа, – сказала Кира. – Он с нами в одном подъезде живёт.

Невысокая женщина в рыжем кожаном пальто разговаривала с моей мамой.

– Хоть друзей себе нашли. А то ходят как буки. Тимур у нас людей побаивается, а Кира, наоборот, лезет в драку.

– Ну, с нашим драться не интересно. Он сдачи не даёт, – сказала мама.

– А это Серёжа. Хороший мальчик. Под нами живёт.

– Я его отца знаю, – сказала мама. Она вообще много кого знала. – Он на отца похож.

– Вы Германа не ругайте, они у нас так хорошо заигрались. Он у вас такой выдумщик!

– Да уж, насчёт этого он мастер. Нет, ну что вы. Пусть к нам приходят.

Когда чужая мама отвернулась, моя глянула на меня нехорошо. Вчера я сказал, что пришёл поздно, потому что упал в люк и двое рабочих доставали меня.

Мама на кухне звенела в раковине посудой. Папа, как водится, вытирал.

– Максик, ты себе не представляешь! Такие дети! Девочка, в общем-то, как девочка. А мальчик… Макс, видел бы ты его глаза. Нереально!

– Завтра пойду и посмотрю. Всенепременно.

– Нет, правда, это какая-то мутация. Такое надо изучать!

– Прежде, чем начнёшь клонировать этого шибзика, может, брюки мне отпаришь?

– Кто интересно, у него мать? Отец, я знаю, татарин. А она, прямо не знаю… может, еврейка. Очень похожа на еврейку. Или армянка. Такой неожиданный фенотип!

– Марин, мне не нравятся такие разговоры.

И мама сразу замолчала, а потом они заговорили о плате за квартиру. Мне стало скучно, я перестал подслушивать и уполз из коридора в комнату.

Я решил, что «фенотип» – это про глаза, и фенотип Тимура куда лучше, чем у тех, кого я до сих пор знал.

В тёмном спортзале громыхала музыка, мельтешили световые вспышки, прыгала разгорячённая толпа.

– Иди уже! Да жевачку-то выплюнь, придурок. Вон там она, видишь? – Серёга пнул меня под зад коленом и заржал. Что-то он был подозрительно весёлый.

Я вошёл в спортзал. Как по заказу включили медленную композицию. Кира уже увидала меня, подошла и, не дожидаясь приглашения, положила мне руки на плечи. От неё тоже пахло ментолом, что меня приободрило. Свежее дыхание облегчает понимание. Мы с минуту потоптались со всеми, а потом я начал реализовывать свой коварный план и потащил её в закуток, где находился вход в женскую раздевалку.

– Ты чего?

– Тихо ты.

Забившись в угол, я прижал Киру к себе, держа вспотевшими ладонями за затылок и талию. Она нервно захихикала. Я поцеловал её в губы, едва коснувшись, и ожидая на всякий случай какой-нибудь выходки. Но Кира, к моему удивлению, сама прижалась поближе, запустила пальцы мне в волосы и подняла лицо.

Тогда я решил, что хватит заниматься ерундой, погладил её спину в тонкой блузке и поцеловал по-другому, как мечтал давно.

Взвыли мы одновременно. Я – от того, что получил удар по рёбрам сзади, причём сразу с двух сторон. Она – от того, что я при этом прикусил ей язык.

– Убери свои слюни, ты, говнюк! – Тимур сверкал в темноте глазами.

– Вали отсюда, мелкий! – рявкнул я.

– Давай-ка, поори! Мама будет в восторге, расскажу во всех подробностях.

– Дятел, убью! – взвилась Кира.

– А-ха-ха! – Серёга просто укатывался у двери. – Ладно, оставь их, Тимушка, не мешай людям предаваться разврату. Ой, не могу!

– Сдал! Серёга, сволочь!

– А-ха-ха! Прикол! Спалились, лизуны! А-ха-ха!

Тимур испарился. Это было нехорошо. Когда мелкий

злится, лучше сразу всё прояснить, а то жди какую-нибудь мерзость.

Прежде чем проводить Киру, я пошёл сменить обувь. Ах ты, маленькая глазастая гнида! Я почувствовал неладное, только надев второй сапог. В самой его глубине была запихнута собачья какашка.

Мне было четырнадцать лет.

Киру я увидел, ещё подходя к витрине. За стеклом она переставляла какие-то пакеты и коробки и, судя по движению губ, премерзко поругивалась.

– Проблемы? – спросил я, протиснувшись в дверь, которая почему-то была подпёрта стулом изнутри.

– Зайди скорей и дверь закрой!

– Что ты тут творишь?

– Хомячок сбежал. Который сирийский.

Кира смачно пояснила, что думает о хомячке и его матери, и продолжила рыться в углах.

Со своим дипломом юриста Кира нашла работу ещё в июне, но вакансия освобождалась только в декабре, а до этого нужно было дожить. Недолго думая, она ухватилась за первое попавшееся предложение. Так я пристроил её в зоомагазин. Миллионов, конечно, там не обещали, но зато и работа была не особо пыльная. Правда, у Киры вскоре открылась замечательная особенность – звери и птицы её терпеть не могли. А я-то раньше думал, что все хомячки и попугай-

чики умирали у них в семье исключительно от болезней.

Хомячка я выудил из-за аквариума и сунул в клетку. Кира сердито стала расставлять по углам раскиданные пакеты с кормом и опилками.

– Кира, я по делу.

– Купишь эту тварь?

– Герасим не разрешит. У тебя вроде подружка была в магазине одежды.

– Тебе подружек мало?

– Мне одежда нужна.

– Там только женская.

– Ну! Ты ещё говорила – дешёвая. Типа растаможки.

– Гер, у тебя все дома?

– Даже те, кого не звали. Давай, собирайся, дуй к подружке. Я пока пригляжу, не один хомяк не сбежит. Ещё и выручку тебе сделаю.

Кира уставилась на меня. Она явно нуждалась в ускорении.

– Кирочка, у меня дома сидит больной ребёнок. Не веришь, у Серёги спроси. Ну, сбегай! Позарез!

– Что купить-то?

Вот за это я её всегда уважал – не рассусоливает и сразу берётся за дело.

– Всё. Надо одеть от и до, поняла? Но! Денег немного, всего пять тысяч. Вот… ещё пятьсот. Но лучше, если всё не потратишь. Это как, хватит? Куртку тоже надо.

– Ну, ты даёшь! – восхитилась Кира. – А что не пять рублей?

– Ну, извини! Что уж есть. Я не дед Мороз.

Да это верх благородства с моей стороны! Если бы к состраданию не примешивалось любопытство, хрен бы я на кого так потратился!

– Размер какой?

– А, это сейчас. Иди сюда.

Мы подошли к окну, и я стал рассматривать прохожих.

– Вон, видишь ту девчонку? Тёмненькая, в джинсах. Такая же, только худее. Давай, Кир, беги!

– Ты больной!

Пока её не было, я успел почистить аквариум, продать мешок собачьего корма, кошачий туалет и несколько рыбок.

Явилась Кира с двумя пакетами, и, к моему удивлению, вручила пятьсот рублей сдачи.

– Купила всего помаленьку, кроме обуви. Размер не сказал.

– Супер. Спасибо, брат!

– Обращайся, нянька. Потом расскажешь.

11

Поднимаясь, обвешанный мешками, на свой этаж, я вдруг заволновался. Она наверняка сбежала. И прихватила что-нибудь. Фиг теперь поймаешь.

Войдя в дверь, я тут же глянул на пол. Пальто и сапоги валялись там же. Звучала музыка. Я бросил пакеты и прошёл в комнату. Ада подняла на меня глаза. Она лежала в моей постели в моей футболке и с моим котом в ногах. В руках была книга – не моя, дал почитать Тимур. Он любил читать всякие литературные странности, а потом подсаживать на них нас с Серёгой. На этот раз это было «Ювенильное море» Платонова.

– Тебе *это* нравится? – с места в карьер спросила она.

– Нет, – честно ответил я.

– Почему?

– Мутно и депрессивно.

– Совершенно верно. Выкини её подальше.

Она захлопнула книгу и встала с кровати. Я заметил, что она расчесала волосы, заплела косу и стала похожа на отличницу. Брала, поди, *мою* расчёску. Я притащил пакеты и вывалил их содержимое на кровать.

– Зацени гардероб. Сразу предупреждаю – выбирал не я.

Ада стала осторожно разбирать вещи. По мне, так было норм. Но она разглядывала Кирины приобретения так, как будто ей предлагали одеть костюм человека-паука и балетную пачку в придачу.

– По-моему, прилично, – сказал я. – На первое время сойдёт.

– Спасибо. Просто я никогда такое не носила.

– Это я уж понял. Даже боюсь спрашивать, что ты раньше

носила, что ела и где жила. А то ещё поведаешь такую жуть, что Платонов анекдотом покажется.

Ада посмотрела пристально и серьёзно, и я впервые заметил, что глаза у неё светло-серые, прозрачные, похожие на кусочки льда. Сейчас что-то скажет. Нет, передумала.

Я пошёл разогревать еду, а когда всё приготовилось, позвал Аду. Мы степенно поели, на этот раз не разговаривая. Потом она снова уложилась, а я стал готовить капельницу. Она протянула тонкую руку, внимательно и странно на меня глядя.

– Боишься что ли? – спросил я.

– Нет, вполне тебе доверяю. Сколько ещё осталось?

– Посоветуюсь с другом, но думаю ещё раза три-четыре.

– Да, пожалуй, так. Герман, слушай, тебе не надо сегодня никуда идти? На учёбу, на работу?

Я насторожился. Вообще-то мне надо было на работу. Очень надо.

– Взял отгул. А что?

– Да нет, ничего.

– Говори уже. Зачем от меня избавляться?

– Нет-нет. Просто хотела попросить кое о чём. Если будет время и желание, ты можешь сходить ко мне домой? Надо бы кое-что узнать. Но если нет, то нет.

Убиться можно! Вот те на.

– Куда надо?

– Улица Достоевского, дом пять, квартира три.

Она снова внимательно посмотрела на меня, как будто это о многом должно мне сказать. Не мог ничем обрадовать. Совершенно незнакомый адрес. И это далеко, чтобы *ходить*.

– Позже посмотрим. А что узнать?

– Ну, просто… как там. Что делается. Кто там есть.

Да там, поди, все на ушах стоят и морги обзванивают! Если я приду и праздно поинтересуюсь, что тут собственно происходит, меня придушат и зароют в палисаднике.

Я молча ввёл и закрепил иглу, отрегулировал поступление. Ада, похоже, приняла молчание за знак согласия и некоторое время молчала.

– Герман, у вас есть газеты?

– Зачем тебе? Папье-маше мастеришь?

– Посмотрю, что в мире делается.

– Ничего хорошего там не делается. И газет мы не покупаем, мусор один. Всё тут. – я похлопал по ноутбуку, который наконец-то открыл.

Она призадумалась.

– А можешь показать, как пользоваться этим? Хотя бы немного.

– А ты не умеешь? – я оглядел её недоверчиво. Может, она из староверческого скита или из монастыря? Хотя, у любого уважающего себя монастыря давно есть свои сайты.

– Нет. Но если тебе некогда…

– Кое-что покажу, если хочешь.

У Ады загорелись глаза. Это меня развеселило. Хрен, ко-

нечно, редьки не слаще – она и тут может что-нибудь выкинуть, но хотя бы, может быть, не будет отпускать свои хитромудрые закидоны. Я соорудил из коробки от маминых сапог столик прямо на постели и поставил ноутбук перед девочкой.

Техника, похоже, зачаровала ребёнка. Сначала я поставил ей «рисовалку». Она быстро освоилась и изобразила криворылого всадника на коне, похожем на крысу. Ещё через полчаса она свободно печатала, причём без ошибок, и порывалась это делать двумя руками. Я деликатно заглянул. Она шпарила «Онегина», причём не про дядю, который занемог, а откуда-то из середины! Обалдеть. А потом ещё какие-то стихи про листья всех цветов, но уж это я не узнал.

– Куда ты? Капельницу снесёшь! А говорила – не умеешь.

– Да её пора убирать. Вынимай.

Прижав ваткой, я осторожно вытащил иглу. И вновь – внимательный серьёзный взгляд.

– Что? Больно?

– Да нет. Просто смотрю. Я хорошо печатаю, но только на печатной машинке.

Я чуть не упал!

– Ты серьёзно?

– А что тут такого?

– Где ты её нашла? Музей ограбила?

– Почему? Это моя машинка, правда, я давно на ней не работала, но вот, как видишь, кое-что помню.

– С ума сойти!

Я поймал себя на мысли, что девочка она забавная, не глупая и не развязная. Говорит немного странно, но, в целом, создаётся впечатление, что передо мной человек с развитым мозгом и начитанный. С такими легко общаться, как с Серёгой, например.

Надо было, однако, съездить на работу, и я задумался – что с ней делать. Оставлять одну до вечера опасно, брать с собой – она ещё слаба, да и неприятностей от шефа можно огрести. Я решил, уж было, наплевать на всё и не ездить, но вдруг она снова глянула на меня своими прозрачными глазищами, словно отсканировала.

– Не беспокойся, я тебя не ограблю и не сожгу дом. Торжественно клянусь. Если надо – иди.

Как и тогда, в случае с тумбочкой, у меня мурашки пробежали по коже.

– И не упаду в обморок, обещаю.

Как же так?

– Думаю, без меня обойдутся, – засомневался я.

– Поезжай. Всё хорошо.

– Ну ладно. Постараюсь быстрее. Да! Я тебе оставлю телефон. Сейчас, только заряжу. Это мой старый. По телефону-то звонить умеешь или в вашей пещере связь была плохая?

Она сначала уверенно кивнула, но когда я протянул ей свой старый мобильник, снова вытаращилась как баран на

новые ворота.

– Ох, нет. Только не говори мне, что ты и с этим не знакома.

Она покрутила телефон и так, и эдак.

– А кнопки? Как включать?

Я от души рассмеялся.

– Ну, знаешь, ты и чудо!

Я включил экран, и по нему заплескались морские волны. Ада была похожа на дикаря, перед которым потрясли стеклянными бусами.

– Это телефон? – спросила она недоверчиво.

– Так. Ладно. Посвятим ещё час развитию технической мысли. Внимание, фото на память! Улыбнись!

Включив режим фотографирования, я несколько раз с разных ракурсов щёлкнул её. Потом придвинулся поближе и снял нас вместе. На фото она получилась ещё худее, глазастее и удивлённее, а я улыбался до ушей. Ада внимательно, нахмурив брови, рассмотрела снимки.

– Без кнопок… Можно я сама?

– Сейчас освоишься, потом за уши не оттащишь. Как же ты жила-то, господи…

Когда я уходил, Ада вдруг сказала:

– Нет. Не езди. Я передумала.

– Нет, так нет, – ответил я, закрывая дверь. Это уж мне теперь было решать.

Вечер прошёл в тёплой дружеской атмосфере. Я приехал со своей шабашки сразу как смог. Решив, что нечего мне подставляться под гнев Адиной родни, в её дом пока наведываться не стал. В конце концов, сами виноваты – довели девчонку до ручки.

Мы поужинали, потом посмотрели новости по телевизору. Я веселился вовсю, наблюдая, как Ада буквально ловит каждое слово комментаторов, прилипнув к экрану. Потом я пощёлкал каналы, оставил её смотреть про животных на BBC, а сам засел делать курсовик. Позвонил Серёга, спросил, как дела. Я сказал, что тётка уехала по святым местам, а у Ады всё хорошо.

– Тётка? – повернула голову Ада.

– Ну да, твоя мать, – пожал плечами я.

Мы рассмеялись.

И тут раздался звонок в дверь.

Ада сразу застыла, как тогда на кухне с куском хлеба. Кого это принесло на ночь глядя? Я нехотя встал и пошёл в прихожую.

– Кто?

– Аня. Открывай.

Вот не раньше, не позже!

– Надо же! А что случилось?

– Я тоже рада тебя слышать и видеть. Не паясничай, я пиццу принесла! Мириться будем.

– Не хочу, – сказал я.

– А я хочу. Если не откроешь, буду кричать. Раз, два, три. Аааaа!

– Сейчас, я не одет!

– Ой, чего я у тебя не видела!

Я приоткрыл дверь и высунул голову. Аня стояла – стройная, свежая и душистая, прямо майский цветочек. По плечам рассыпались золотые волосы. Вырез шёлковой блузки красиво открывал грудь.

– Я долго буду тут стоять? – раздражённо спросила она.

Я пришёл в себя и вытащил глаза из выреза.

– Прости, я тебя не ждал. Я тут не один, видишь ли.

– Ладно дурака-то валять. Не хватит ли с меня извинений? Дай пройти.

– Ань, правда. Ты не вовремя.

– А то я тебя не знаю! И кто у тебя? Эй, Серёга! – крикнула она в проём двери. – Или Тимур?

– Они сегодня не заходили. – медово проговорила Ада, обняв меня за талию.

Я поперхнулся. Аня вытаращила глаза. Я и забыл, что девчонка до сих пор расхаживает в моей майке и с голыми коленками.

– Что за дела? – Аня презрительно оглядела девочку. – Нянькой подрабатываешь?

– Ты про неё мне рассказывал? – голос у Ады был просто – молоко и мёд. – Друг мой, ты меня разочаровываешь, она тебе не подходит. Девушка, больше не кричите в подъезде,

будьте любезны, а то про нас Бог весть что подумают.

Аня раскрыла рот и забыла закрыть. Ада сделала приглашающий жест.

– Герман, это невежливо. Пригласи девушку, она взволнована. Тебе надо с ней поговорить.

Я отошёл от двери. Ада уплыла на кухню.

– Что это? – прошипела Аня. – Башкой не варишь? Это же малолетка!

– Я одухотворённое существо, – пропела из кухни Ада. – По правилам русского языка «кто», а не «что». Программа первого класса, голубушка.

– Заткни её, – громко сказала Аня.

– Не надо так кипятиться. Вредно для сердца.

– Помолчи, мелочь! – в сердцах крикнула Аня. – Герман, мы можем поговорить? Без этого!

Ада показалась в коридоре, подошла ко мне, вздохнула и милостиво улыбнулась, всем видом говоря: «Ну что взять с дуры?».

– Поговори с ней, – кротко попросила она. – Ей сейчас некомфортно, постарайся понять. Я пойду приготовлю чай. Аня, вам сделаю с мятой, это успокаивает.

Я поглядел на наливающуюся краской Аню, не выдержал и от души рассмеялся. И тут же схлопотал звонкую оплеуху.

– Сукин сын! – крикнула Аня, выскочила и хлопнула дверью.

Я хохотал. Щека горела. Ада тоже рассмеялась.

– Классика жанра, – сказала она. – Индийский фильм. Только сплясать осталось. Здорово она тебя! Зубы не выбила?

– Нормально. Ну, ты даёшь!

– А то! Терпеть не могу вульгарных людей. Смотри-ка, твоя девушка что-то забыла.

Ада подняла с пола коробку. Через пару минут мы бессовестно уплетали пиццу с морепродуктами. Я решил, что от одного куска Аде худо не будет, но как только зазевался, она утянула второй.

– Пиццу-то ела когда-нибудь? – спросил я Аду с набитым ртом.

– Давно, в Италии. Там замечательная кухня. Но эта тоже неплоха, мидии только жестковаты. А сыр хорош.

– Чудеса! Где ты ещё была?

Ада, прежде чем откусить очередной кусок, втянула носом запах, закрыв глаза от удовольствия.

– Да везде. Не веришь? Страны Европы – Италия, Франция, Чехословакия, Польша. Ещё Индия, Китай, Нигерия, Конго, в Монголии была раз пять, в Корее – три раза, на Кубе… Ещё Турция, Алжир. Два дня была в Канаде, но только в аэропорту, так что это не в счёт. Вот в Австралии не была ни разу. И в Антарктиде. Ну, про союзные республики не говорю, там я всё объездила.

– Союзные республики? Это ты о чём?

Ада только рукой махнула и стащила ещё кусок.

– Тебе бы жизни не хватило, – сказал я.

– О, жизни мне хватило, уверяю. – она языком подцепила свесившийся сыр.

Я вспомнил вчерашние разговоры, и опять почувствовал неприятный холодок по спине. Но вид у девочки был довольный и беззаботный, пицца действительно была чудо как хороша, а я только что избавился от постыдного рабства.

Она расскажет мне. Затем и пришла. Сейчас я только вспугну её, если спрошу.

Пора было спать, я постелил постели и завёл будильник на телефоне. Проходя мимо ванны, глянул в открытую дверь. Лилась вода из крана. Не замечая ничего, держась напряжённо за край раковины, Ада внимательно, широко раскрытыми глазами вглядывалась в своё отражение в зеркале. Как будто наблюдала за призраком.

12

Утром я настолько расслабился, что съездил в универ. Правда, только на две лабораторки, а с лекций удрал.

После обеда поставил капельницу. Ада выглядела куда здоровее, фиолетовые круги под глазами исчезли, появился румянец. Меня переполняло чувство гордости за собственную компетентность. Мы немного поболтали ни о чём. Она стала немногословнее и осторожнее, и я не стал навязываться. Потом пошёл убираться и запускать стирку, а ей позво-

лил оккупировать ноутбук.

Только вчера я запустил дикого ребёнка из леса на просторы интернета, поэтому приходилось подходить и поглядывать, где она лазает, чтоб не попала на всякую гадость. Когда глянул в последний раз, то снова обалдел, хотя пора уж было привыкнуть. Современные средства лечения трахомы. Зашибись.

Наконец-то позвонила мама. Как всегда, не здороваясь, с места в карьер спросила, не нагадил ли где кот, заявила, что пришлось на месте переделывать графики, и обрадовала, что купила мне свитер, да не просто, а от какого-то местного кутюрье. Я слушал маму, Ада смотрела на меня. Иногда я вставлял фразу. Да, сыт. Да, учусь, всё нормально. Нет, ничего не случилось. Вожу аккуратно. К себе ещё не ездил.

Я уже начал сворачивать разговор, как вдруг мама крикнула:

– Да! Я сброшу тебе один телефон. Позвони, ладно. Надо разобраться, какие-то проблемы. Я ничего понять не могу. Ну, пока, целую-целую, жди!

И отключилась. Ада что-то обдумывала, тыкая по клавишам.

Ехать на вызовы не хотелось, но сейчас любые деньги были не лишними. Да и работа-то была пустяковая – два осмотра, три прививки. Я управился быстрее, чем рассчитывал. И тут вспомнил про адрес.

Тёплые сумерки уже разлились над городом, когда я начал петлять в поисках улицы Достоевского. Везёт же людям с навигатором! Как всегда, на карте всё было просто, но я, хоть убей, не видел ни одного сопутствующего объекта.

Наконец я притормозил, решив уточнить у прохожих.

– Девушка, извините, вы не подскажете…

Длинноногая девица картинно повернулась, но, увидев мою машину, сразу приуныла.

– …улица Достоевского, дом пять.

– Нужно объехать стройку. Лучше с той стороны.

Машина жалобно потрюхала по убитой грунтовке. Слева тянулся бетонный забор, справа за кустами виднелся овраг.

И неожиданно я выехал в очень уютный старый дворик с качелями, горками, скамейками, детьми и старушками.

Я остановился, запер машину и пошёл к первому подъезду крайнего трёхэтажного дома сталинской постройки. Из раскрытого подвала тянуло сырой картошкой и кошками. Никаких магнитных замков, всё нараспашку. Квартира три оказалась на втором этаже. Я деликатно постучал. Никто не торопился бежать, утирая слёзы. Я позвонил. Звонок хрипло разлился по ту сторону обитой реечками двери, но так никого и не призвал. Спят что ли, или нет никого?

Сдаваться просто так не хотелось. Глупо потоптавшись с минуту, я снова настойчиво позвонил. Проснитесь, чёрт вас там дери, и заберите своего ребёнка! Без толку. Я разозлился и ботнул со всей дури ногой по двери.

И тут дверь вздохнула и отошла от косяка в мою сторону. Она была не заперта.

Голову сразу осадили совершенно бредовые идеи. Адина мама не вынесла потери дочери и повесилась. У Ады нет мамы, а её папаша допился до чёртиков и дрыхнет. Да, у Ады ведь нет вообще родителей, а вот её бабушке стало плохо с сердцем. Безумный маньяк удерживал Аду, пока она не сбежала, а теперь сбежал сам.

Я потряс головой и смело вошёл в квартиру.

В нос ударил запах. Тот самый, но гораздо сильнее. Я прикрыл за собой дверь и постоял в прихожей, привыкая к полумраку и тяжёлому воздуху. Как тут вообще можно жить? Тут нет жизни. Совсем.

Ещё секунду назад я думал о последствиях обнаружения себя в чужом доме. Сейчас, позабыв обо всём, я пошёл по квартире, как взявшая след ищейка.

Бог ты мой! Какое всё старое, запущенное, нежилое. Шкаф с облупившемся лаком, древнее зеркало в резной раме, сборище унылых пыльных книг…

Я вошёл в кухню. Ну и бардак! Из открытого холодильника натекла вода, на полу валялась крупа, соль и ещё невесть что, занавеска была кем-то зверски сорвана вместе с гардиной.

Запах шёл, однако, не из кухни. Машинально захлопнув холодильник, я пошёл дальше.

В квартире было две комнаты. Первой мне попалась

спальня. Ага, вот оно. На что же это похоже? Запах болезни и старости, дряхлости и уныния.

Я огляделся, и у меня волосы встали дыбом. Тут как будто прошло сражение. По всему полу валялись лекарства, посуда, газеты, тряпки. Посреди этого безобразия растопырился разбухший памперс. Вся комната, и особенно смятая, раскиданная постель были усыпаны мягким сероватым порошком. Причём складывалось ощущение, что его тут разбрасывали лопатой. Да что тут творилось?!

В голове, не задерживаясь, проскользнула какая-то важная мысль, но мне было не до того, чтобы вытягивать её за хвост.

Потому что на подушке я увидел человеческие зубы!

Я забыл, как дышать, а когда вспомнил – посмотрел внимательнее. Это были коронки и мосты – хорошо выполненные, металлокерамические, несколько штук. Да ещё несколько пломб в придачу! Куда я, чёрт возьми, попал?

Я быстро вышел из нехорошей комнаты.

В гостиной был полный порядок, и висела мрачная тишина. Эти книги сто лет не читали, чай за столом давным-давно не пили, на диване никто не валялся, а телевизор древней марки был скорбно занавешен пыльным тюлем.

Я уж собрался убираться подобру-поздорову, как вдруг застыл, как громом поражённый.

На стене висели фотографии. На одной кокетливо склонила голову весёлая полноватая женщина с «химией» на го-

лове. На остальных – мальчик, один и тот же, но в разном окружении. На самом старом снимке, ещё черно-белом, ему было года три, на самом современном – лет пятнадцать. Я не мог отвести от него глаз. По позвоночнику начал пробираться холодок.

Такой юный, маленький, но ошибиться было просто невозможно. Это был мой отец.

Я встряхнулся, сглотнул пересохшим ртом, и пошёл было вон, но снова удивлённо застыл.

У двери на тумбочке стояло нечто, вновь привлекшее моё внимание. По очертаниям предмета я как будто понял, что это такое, но, не веря своим глазам, приподнял дерматиновый чехол.

На сером корпусе рельефно выделялась надпись: «Ятрань». Печатная машинка покрылась пылью, часть клавиш запала. На ней не работали, наверное, столько лет, сколько я на свете не жил.

Никто не застукал меня, выходящим из квартиры. Я прикрыл за собой дверь, и она жалобно пискнула, прощаясь. Ступени были стёрты от времени и на вид холодны. Навстречу поднималась женщина – в одной руке она несла спящего ребёнка, в другой уместились дамская сумочка, пакет с продуктами и ключи от машины, одетые на палец. На меня она не обратила никакого внимания, и хорошо, а то бы перепугалась, как пить дать.

Я поймал себя на мысли, что не заметил, как оказался в машине и уже поворачивал ключ. Так нельзя! Подумаешь, всегда можно найти разумное объяснение. Спокойно. Никто не убит. Наркотиков не видно. На притон не похоже.

Зазвонил телефон, и я вздрогнул. Нервы пора лечить.

– Алло, – вкрадчиво сказала Ада. – Это Герман?

Нет, блин, радужный единорог!

– Да. Как ты?

– Всё хорошо. Ты работаешь?

– Уже заканчиваю.

– Герман, ты не езди никуда, не надо. Не езди, куда я просила.

Ну, спасибо, кэп!

– Ладно, еду домой, – сказал я спокойно.

Повисло молчание.

– Ты ведь уже там. Был там, – она сказала очень тихо.

Ну как я мог позабыть!

– Был. Всё нормально. Ладно, я за рулём, потом расскажу.

Я нажал отбой. Стал выруливать на дорогу. И тут ощутил неприятное беспокойство, такое, что впору взвыть. Одной рукой ведя машину по строительным ухабам, я набрал номер. Молчание. Ответь, ненормальная! Набрал номер снова. Не берёт, зараза.

Выехав, наконец, на асфальт, я втопил педаль газа, забыв переключить скорость. Машина возмущённо заревела, но, спасибо, не развалилась. На повороте чуть не задел высо-

кий внедорожник. Дальше вообще понёсся как псих. Один раз проехал на красный, перед поворотом подрезал автобус. Нервы были на пределе. Я не должен был оставлять её. Я не должен был ездить в проклятый дом. Чёрт возьми, я всю жизнь врал, как дышал, почему же тут не сработало?

Припарковавшись как попало, я взлетел на свой этаж, заранее зная, что обнаружу. Дверь была не заперта. Пальто валялось, но сапоги исчезли.

– Ада! – глупо крикнул я вглубь квартиры. И помчался по лестнице вниз.

Сколько прошло времени с момента звонка? Минут десять? Я обежал свой и соседний дворы, заглянул на территорию детского садика и снова прыгнул в машину. Куда теперь? Надеясь на удачу, я стал колесить по городу, глазея по сторонам. Пару раз заходил в магазины и искал в толпе. Раз пять мне казалось – вот, это она. Но это были совсем другие девчонки, и даже один шустрый парнишка в похожей куртке, смачно пославший меня матом.

Совсем стемнело. Загорелись фонари. Я положил руки на руль, а голову на руки и постарался собраться с мыслями. Что, собственно произошло? Вчера пришла, сегодня ушла. Да, странная. Да, больная. Я ничего о ней не знаю. Я, дурак, так ничего и не спросил. Теперь она чего-то испугалась и просто исчезла.

Квартиру я, оказывается, не запер. Маму бы кондратий хватил. Прямо день открытых дверей какой-то!

Я снова набрал номер, неизвестно на что надеясь. Музыка Стинга раздалась из моей комнаты. И телефон не взяла.

Постель была аккуратно застелена. Моя футболка свёрнута и положена не подушку. Рядом с ней лежали мой старый телефон и «Ювенильное море» Платонова. Из книги торчала бумажка.

Ада писала быстрым и взрослым почерком, каким обычно пишут врачи, если не торопятся и стараются. Над прописной буквой «т» она ставила горизонтальную чёрточку сверху, а под «ш» – снизу. Где это так учат, интересно?

Спасибо за всё. Не хочу обременять.

Чувствую себя хорошо.

Извини, взяла на столе пятьсот рублей и немного еды из холодильника. Как смогу, компенсирую затраты.

Вот и всё. Ни «дорогой» в начале, ни «до свиданья» в конце, никаких тебе сантиментов. Я сел на кровать и автоматически стал гладить угнездившегося на коленях кота. Герасим вздохнул, уткнулся мне в ладонь прохладным носом и замурлыкал. Он соскучился за день, а теперь ещё, чувствуя, что мне плохо, переживал и беспокоился. Я лёг на спину, переместив его на грудь, и стал почёсывать его шелковистые ушки, шею и подбородок.

Вот он – дружище, вот кто никогда от меня не уйдёт.

13

В небе надо мной кружились голуби. Мальчишка, чудом удерживаясь на дощатой крыше, гонял их длинной жердиной. На нём была длинная рубаха, кепка, похожая на блин, но не было штанов. Пацан пронзительно свистнул, и разномастная стая пошла на новый круг.

Город был залит светом и пах морем. В окнах двухэтажных приземистых домов отражалось солнце, зеленели герани. По уходящей вниз улице шли люди, поднимая лёгкую пыль. У одних были узлы и котомки, у других вёдра со сливами и абрикосами. Мимо прошёл чумазый мужик, толкая перед собой скрипучую тачку с углём. Толстоногая девица в красном платке несла в руках объёмную связку газет.

Я понял, *что* сейчас увижу и обернулся.

Девушка ехала на велосипеде с высокими узкими колёсами. Велосипед был ей велик, и она ехала, не доставая до седла, просунув одну ногу под раму. Белое в крапинку платье хлопало на ветру, в косах, завязанных как два кренделя, трепыхались коричневые ленты, тонкие руки сжимали растопыренный руль. Проезжая, Ада посмотрела мимо меня, сбавила скорость, и, перестав нажимать на педали, поехала вниз, стараясь не попадать на участки с мелким песком.

– Луговой! – гаркнули мне в ухо.

Проснувшись, я от неожиданности дёрнулся и опрокинул тетрадь и учебник. Люди в аудитории заржали. Шутки в духе Петровича, будь он неладен!

– Что, бурная ночь? Или вагоны со спиртом разгружали?

– Извините, Вадим Петрович.

– Спасибо, что не храпели! Покиньте аудиторию! Быстро, я сказал!

Народ кругом возрадовался яркому моменту. Вот прыщемозглое создание! Человек воспитанный промолчал бы, ну или разбудил бы деликатно. Хорошо, хоть не этому уроду экзамен сдавать. Я собрал вещички и гордо покинул зал.

Если уж вляпался в дерьмо, так надо устраиваться поудобнее. Я не стал скорбеть по недослушанной лекции скучного Петровича, а, пока нет очереди, пошёл в столовую, накупил первой попавшейся еды и два кофе и устроился у окна. Когда покончил с первой тарелкой, зазвонил телефон.

– Ну как? – спросил Серёга.

– Никак, – ответил я.

– Тимур своих подключил?

– Говорит, делает что может.

– Я по больницам сегодня ещё раз обзвонюсь и… ну, в общем…

– И по моргам.

– Да не дойдёт больше до этого, не каркай. Слушай, может она в свою деревню укатила? Как, говоришь, у них местность называлась?

Я уже не помнил, как называл Серёге деревню придуманной тётки.

– Не важно. Спасибо, Серёга.

– Да пока не за что. Ну, бывай.

В морге мы были вчера. Серёга позвонил ближе к полуночи, когда я безрезультатно рассекал по ночному городу – сначала долго мямлил, а потом сразу огорошил. До этого я ни разу не был в подобном заведении, и меня сразу взбесило, насколько там мило и уютно. Сидят себе, чай пьют, телевизор смотрят. Нас провели в холодный зал с полками в два ряда и с грохотом выкатили небольшого человека, покрытого клеёнкой.

И тут я впервые после смерти отца познал горе. Оно захлестнуло внезапно, как холодная волна, и захотелось взвыть, закричать, сокрушить этот долбаный зал с глупыми полками. Боясь дышать, слышать и видеть, я неподвижно стоял, сдерживаясь изо всех сил.

Серёга сам откинул клеёнку. Не она. Я понял сразу. Не она! Лицо девушки было разбито, но она была явно старше и шире в костях.

Я отрицательно потряс головой и молча вышел.

– Выпить тебе надо, – сказал Серёга на крыльце морга. – А то выкинешь какую хрень, потом возись с тобой.

– Я за рулём.

– Сам поведу.

В круглосуточной забегаловке я влил в себя водку как во-

ду, потом заказал ещё, а потом Серёга отвёз домой мою тряпочную тушку.

Тонкая косточка неприятно застряла между зубами. Оказывается, я ел рыбу. Я отодвинул пустую тарелку и залпом выпил остывший кофе. Снова зазвонил телефон. Мама.

– Герунчик, я быстро. Ну, ты позвонил?

– А?

– Да бегу уже! – крикнула мама кому-то. – Телефон. Тебе. Сбросила.

– Да, сейчас. Совсем из головы вылетело. Ты как там, мам?

Мне вдруг захотелось увидеть её. Не из-за того, что я соскучился – было как-то не до этого, а потому что она – вечно суетливая, громкая, внезапная, заполнила бы собой сейчас время и пространство, и, может быть, на мои проблемы осталось бы меньше места.

– Всё хорошо, Герочка, всё очень хорошо. Я скучаю. Да сейчас! – заорала она куда-то мимо трубки. – Подождут, без нас не уедут! Да-да! Сумку мою возьми! Гер, ну ты позвони, ладно. Всё, целую, пока!

Я вытянул ноги на противоположный стул, уселся поудобней, нашёл мамину эсэмэску с неизвестно чьим телефоном и набрал номер. На том конце долго не брали трубку, потом послышался слабый женский голос.

– Алло.

– Здравствуйте. Герман Луговой. Вы звонили моей маме.

Она просила перезвонить.

– Ах, да, да. Вы ведь сын Максима Лугового?

Ох, не понравилось мне такое начало в свете последних событий!

– Да.

– Видите ли… я ухаживала за вашей бабушкой, вернее за бабушкой вашего папы. Я должна была ухаживать… но, так уж сложилось,… в общем, я уехала. Я отлучилась ненадолго. Но я не бросила её, нет! Очень хороший человек, он тут, недалеко живёт. Он врач, очень хороший.

Голос выдавал женщину немолодую, обременённую хворями и уставшую от забот. Неся всю эту белиберду, она заметно волновалась. У моего отца есть бабушка. Мир сошёл с ума.

– Извините, вы кто? – спросил я, выковыривая кость из зуба.

– Юлия Васильевна.

– Юлия Васильевна, вы не волнуйтесь. За кем вы ухаживали?

– Я же говорю, за родственницей вашей. Я уехала, понимаете, а она умерла. Я всех, кого знала, обзвонила, еле-еле телефон вашей мамы нашла. Она мне тогда давала, да я потеряла.

– Так она умерла? Когда?

– Да дней шесть уж будет. Или семь? И сообщить ведь некому. И мама ваша уехала.

– И где она теперь?

– Ну как… говорю же, Егор – очень хороший человек, ему можно доверять! Про вас он не знал, понимаете? Все организовал, всё сделал. Ну, расходы, конечно… Но он говорит, всё сам. Всё сам! Как соседи.

Наверное, дама была глуховата. Она кричала в трубку своим слабым дребезжащим голосом, а я слушал, пытаясь вникнуть в суть её восклицаний.

– Так её схоронили?

– Ну да, все прилично сделали, вы не переживайте. Мы ведь вас найти не могли, вы поймите!

– Я понимаю, понимаю.

Чтоб мне лопнуть! Я вообще ни черта не понимал!

– А вам надо приехать. Сама-то я не знаю, это к юристам идти надо. Ведь квартира! Вы ведь наследник, я думаю. Или нет? Мы уж прибрались. Так вы приезжайте, только позвоните сначала, чтоб я пришла.

Лохотрон какой-то. Какая ещё к чёртовой матери квартира?

– Хорошо. Юлия Васильевна, куда ехать?

– Вы сегодня приедете? Скоро?

– Да-да.

– Тогда я подожду вас, а то уже уходить собиралась. Улица Достоевского, дом пять. Алло! Вы меня слышите? Там ещё стройка рядом, вы её обойдите, а то многие найти не могут. Там дорога есть, у овражка. Вы слышите?

Мы с Юлией Васильевной сидели за столиком в старой кухне, где ещё недавно был погром с кислой лужей у холодильника, а теперь установился напряжённый, созданный быстро и ловко, порядок. Мы сидели напротив друг друга и ждали соседа Егора, моего похоронного благодетеля. Юлия попивала чаёк из маленькой красной чашки. Мне она тоже предложила, да у меня кусок в горло не лез.

Юлии Васильевне было под семьдесят. Блёклая и болезненная, одетая в старушечью шерстяную кофту и серое платье, со слезящимися красноватыми глазами и бледным ртом, она была даже жальче, чем я представлял по голосу. И скорее всего, страдала диабетом – об этом говорили белая сухая кожа и полнота – не слишком явная, но неприятно рыхлая. А ещё то, что её мучила жажда – только при мне она выпила три чашки, а чайник уже опустел.

– Ну, так вот, – продолжала она, прихлёбывая. – Я ведь никуда обычно не уезжаю. Всю жизнь здесь и прожила. Ну, а бабушка ваша мне и вовсе как родная. А недавно напротив сосед поселился. Хороший мужик, молодой. То лампочку вкрутит, то мебель поможет переставить. Такие сейчас редко. Ну, то да сё, разговорились как-то. Я и говорю, мол, вырваться никуда не могу. У меня ведь внук, внучка. А тут не бросишь! А он говорит – да не проблема. Мне, говорит, всё равно делать сейчас нечего, работы мало. Ну, это, мол, благое дело, старикам помогать. Да я не сразу уехала! Надо

же посмотреть – что за человек. Ничего так. Всё может. Медик.

– Вы, Юлия Васильевна, давно за бабушкой ухаживали?

– Да уж лет двадцать пять помогаю! Да. Сначала-то она в силе была, я только приду да всё приберу. Ещё готовила, если просили. Вот папе вашему всё пироги пекла, он любил. А уж последнее время… Она ведь не вставала уже лет десять, а то и больше. Да из ума выжила совсем. Раньше ведь люди крепкие были, кто войну-то прошёл.

– Ну, а дальше… вот вы уехали…

– Уехала на десять дней. Сын у меня в Казахстане, так пока доберёшься… А Егор звонил, рассказывал…

Зазвенел хрипловатый звонок. Лёгок на помине. Юлия Васильевна, шаркая тапками, пошла открывать.

Я почему-то думал, что Егор – человек почтенного возраста, но он был старше меня, пожалуй, всего лет на пятнадцать – высокий, даже выше меня, широкий в плечах, с короткими ежистыми волосами.

И с лицом десантника, но уж никак не врача. Может, военный доктор.

И ещё он выглядел устало и напряжённо. Ну, это понятно, чужого человека пришлось хоронить.

Он молча вошёл в кухню, пожал мне руку и тяжело сел на табурет. Подумал-подумал, и поздоровался. Словно положил на стол гантелю.

– Герман Луговой, внук. Правнук. – негромко представил-

ся я.

– Соболезную. Егор. Маврин. Значит так. Бабушку я похоронил. Вот свидетельство о смерти, тут всё в порядке. Жаль, конечно, что сразу вас не нашёл. Да, тут остальные документы, тоже всё в порядке. Вам, наверное, захочется узнать насчёт квартиры. Я написал адрес юриста и телефон, вы сходите, он до шести работает все будние дни. Мне, правда, очень жаль.

– Спасибо, – сказал я.

Стало как-то стыдно. Бабушку я не знал, а на жилплощадь как бы претендую. Мне показалось, что они оба считают меня хапугой и паразитом. Они ведь ухаживали за ней, а не я. Особенно бедная Юлия Васильевна, посвятившая ей четверть века. Надо было что-то сказать, но мы сидели и неловко молчали.

– Мы должны вам. За похороны, – осторожно начал я.

Придётся залезть в НЗ, ну да что поделаешь.

– Даже не думайте. Я же понимаю – неожиданно, и вы не знали. Не беспокойтесь.

– Как-то неудобно…

– Ничего. Считайте это актом благотворительности.

Снова повисло молчание. Когда же вы, наконец, скажете о главном?

– А сколько ей было лет?– спросил я.

Юлия Васильевна задумалась.

– Больше девяноста. Много. В чём душа только держа-

лась!

– Она жила одна? – осторожненько спросил я.

– Жила, а куда денешься! Я вот приходила, врача иногда вызывали.

– А других родственников не было?

– Дочь была. Так она уж давно за границу уехала. У ней там дом. Да вы не беспокойтесь, бабушка ваша завещание на вашего папу написала. Значит, вы и наследник.

Я беспокоился, но точно не об этом. Да пусть думают что хотят! Я никому не навязывался.

– А можно… вы мне покажете квартиру?

Они встали одновременно. Юлия Васильевна пошла впереди, вышибала Егор ощутимо смотрел мне в спину.

– Тут старинные вещи есть, очень ценные. Зеркало в прихожей видели? Это ещё её отца. Ореховая рама. Картины, буфет – тоже всё старинное. Жалко, ковры немного моль поела. А так – индийские ковры, ручная работа. Посуда тоже дорогая, серебро есть. Все ложки на месте, будьте уверены.

– Ну что вы, Юлия Васильевна! А фотографии есть? Я ведь ничего о ней не знаю.

Юлия Васильевна поглядела на меня, и в глазах её вдруг засветилось умиление и благодарность.

– Да-да, конечно… если интересно… я принесу. Вот комод – видите? Верхние ящики с фотографиями. Вот, смотрите. Ой, а тут не так лежало! Я же точно помню…

Она растерялась, перебирая конверты и увязанные папки.

«Ада!» – подумал я.

– Это я. Извините, – протрубил Егор.

– Как же… ну, зачем же вы?

– Да так. Скучно было. Сидел-сидел. Ей плохо было, не уйдёшь. Телевизор не работает. Так вот, нервы успокоить.

– Ох, а я напугалась…

– Я всё положил на место, не беспокойтесь.

– Да ничего. Вы смотрите, смотрите, Герман, это всё ваше.

Я смотрел, да не туда. Хоть бы какие-то следы, не замеченные в прошлый раз, когда я был на взводе. Забытая одежда, брошенная книга.… Но тут тщательно прибрались. Если что и было, всё уже вынесено, протёрто и сметено.

– А это кто? – показал я на снимки, висящие в гостиной.

– Папа ваш, маленький ещё. А это мама его, Женечка.

Лихая кудрявая тётка всё так же улыбалась, запоздало и тяжеловесно кокетничая. Мальчик-одуванчик в футболке смущённо смотрел в объектив.

Егор сухо откашлялся.

– Пойду я, пожалуй. Дела. До свидания. Да, можно номер телефона? Так, мало ли что.

Я продиктовал. И он ушёл, ни словом ни упомянув о девочке, жившей в старушкиной квартире! Юлия Васильевна засуетилась, показывая мне, где открывается газ и вода, собирая в кучу документы и ключи от двери. Мне снова стало неловко. Эта женщина так просто всучивала мне богатство, о котором я давно мечтал – настоящую собственную жилпло-

щадь. А в качестве бонуса – отдельный мирок с чужой неисследованной историей. На меня напало глупое оцепенение. Я только кивал как китайский болванчик и постоянно ронял на пол всякие мелочи.

14

Голос Киры всегда, даже в детстве, звучал глубоко и низко. Красивый голос, редкий для девушки. С таким голосом хорошо озвучивать зарубежные фильмы – роковых красавиц или черноволосых злодеек. Приятно было её слушать.

Она позвонила, когда я только что приехал домой. Опять не успел попить кофе.

– Привет. Сегодня будешь бегать до ночи, ненормальный. Мухамедзянов проводил рейд по нелегалам. Были на рынке, на вокзале, проверяли гастарбайтеров, всяких девчонок в ларьках, да ещё много кого. И знаешь, есть несколько зацепок, так что не горюй.

Я замер. Ну, опять хоть что-то.

– Короче, слушай. На Заводской пошивочный цех. Девчонки шьют постельное бельё, не знаю уж – легально или нет. У них с недавнего времени новенькая, по описанию вроде подходит. Съезди сегодня с Серёгой, посмотри, он адрес знает. Тимур сходит в полицию. Там тоже кого-то задержали, проверит по фотографии.

– Класс. Спасибо.

– Погоди. Ещё вокзал. Разнорабочие, в основном моют вагоны. Но там всё больше маргиналки – работа копеечная, грязная. Есть там одна… вроде похожа, но пьёт как сапожник. С твоей такое бывает?

Да чёрт её знает, коньяк-то попросила.

– Не знаю, проверить надо.

– Проверишь. Они обычно там же в отцепленном вагоне и спят. Последнее – стройка на Светлой.

Опять стройка! Я скоро прорабом стану.

– Один не езди, понял! С Тимуром или Серёгой.

– Или с тобой.

– Я серьёзно. Охрана и собаки. Не вляпывайся.

И как они всё это узнают? Удивительные люди.

– Ладно-ладно. Когда?

– Хоть сейчас. А то торчат оба у меня.

– Так они с тобой?

За кадром послышалось Серёгино ржание, и Кира отключилась.

Девочка-швея оказалась маленькой робкой таджичкой с чёрными как уголь глазами. Не на шутку напуганная интересом незнакомых парней к своей заурядной персоне, она стояла на пороге двери, переминаясь с ноги на ногу и обхватив грудь руками крест-накрест.

Я только вздохнул. Опять облом.

– Извините, это не она, – подытожил Серёга.

Полная женщина в цветастом халате, которая привела девушку, пожала плечами, выражая полное равнодушие, втолкнула её обратно в дверь, зевнула, вошла сама и заперлась изнутри.

В отцепленном вагончике царило веселье. Из глубины доносились женские голоса и смех. Пахло сигаретами и долго нестиранной одеждой. Нам открыла румяная окоселая бабёнка в дебильной майке с диснеевской Русалочкой и в тренировочных штанах. Она жутко нам обрадовалась.

– О! Мальчики… А к кому это, а? Светк, смотри-ка, какие пришли!

– Давай сюда, пусть проходят! – послышался из вагона нетрезвый голос.

Серёга ткнул меня локтем. Я вытащил фотографию.

– Вам знакома эта девушка?

Женщина, пригляделась, прищурившись, не теряя на лице широкой красной улыбки.

– А чё? – спросила она, с вызовом поглядев на нас.

– А ничё! Сбежала из психушки, ищут по всему городу. Трёх баб зарезала насмерть, четвёртую сейчас спасают, наверно, не выживет.

– Чё, правда что ли? А чё это она?

– Парень бросил, ушёл к другой. Вот крыша и съехала. Сказали, у вас обосновалась.

Тётка постояла, раздумывая, а потом вдруг крикнула в

глубину:

– Светк! Где эта, которая в кожанке ходит?

– Спит, бухая.

– Пошли, ребятки.

И мы полезли по вагону, утопая в миазмах и раздвигая развешенное в проходах сырое бельё. Вытащу отсюда эту сикушку и сдам в полицию. А я ещё, дурак, ночей не спал, народ баламутил. Женщина довела нас до середины вагона и показала на нижнюю полку боковушки. Ада спала лицом к стене. Из одежды на ней были одни чёрные капроновые колготки. Под головой лежала кожаная куртка. Отчётливо пахло перегаром. Вот ведь дрянь! Мне стало стыдно перед Серёгой. Я брезгливо потрепал её по плечу. Потом, не видя результата, потряс энергичнее.

– Ммм, – девушка промычала, развернулась, и поглядела осовелыми глазами.

– Чёрт, – сказал я.

– Извините, это не она, – Сказал Серёга бабе.

Тётка рассмеялась зычным смехом, показав жёлтые остатки зубов. Видимо, она была искренне рада тому, что опасность быть зарезанной миновала. Мы тронулись к выходу.

– Да вы чё! – кричала нам в спину женщина. – Оставайтесь! У нас пиво есть.

– Фу… – Серёга сплюнул, когда мы вышли. – После таких картин можно ориентацию сменить. Сколько времени?

– Почти десять.

– Приеду домой, сразу вещи – в стирку, сам – в душ.

– Садись, отвезу.

– Куда?

– В душ.

– На стройку сегодня не поедешь?

– Поеду.

– Дурак, что ли? Пока доберёшься, глухая ночь.

– Не, Серый, надо съездить. Мало ли что.

– Ну, тогда и я с тобой.

– Не надо. И так не спите все из-за меня.

– Хватит ломаться. Поехали.

И мы поехали. Некоторое время молчали. Серёга смотрел по сторонам и искал нужную улицу, где надо было свернуть.

– У всех нормальных людей навигаторы, – ворчал он. – Была же возможность купить грамотную машину. Катался бы теперь как царь.

– У тебя и такой-то нет. Ездит, и ладно.

Мы въехали на неосвещённую улицу частного сектора.

– Хоть скажи, что ты на ушах-то стоишь из-за неё? Она тебе вообще кто? Подал бы в розыск, и нашли бы быстрее.

– Не надо её в розыск. Там, знаешь, есть проблемы… долго объяснять. А так… ну, все-таки родня. Так просто не бросишь. Кому она нужна?

– Принц ты. На коне, – выдал Серёга.

– Это ещё почему?

– Ну, как! Спас. Одел-обул. Накормил. Подлечил. Сейчас вот, может, ещё раз спасёшь. Она должна в тебя влюбиться. По всем законам жанра и по специфике пубертатного возраста.

– Иди ты, Серый! Она маленькая.

– Маленькая, да вот удаленькая. Вон там сворачивай направо. Скоро приедем.

Машину нещадно затрясло по грунтовке.

– Серёга, блин! Говорил же, поедем по трассе как люди. Сейчас застрянем тут, к лешему. У меня и так подвеска в хлам.

– Да нормально. Зато короче в два раза. Вот, на карту смотри.

Он сунул мне телефон прямо в лицо. Я на секунду отвлёкся от дороги, и в этот момент тряхнуло так, что мы подпрыгнули, и не пристёгнутый пофигист Серёга от всей души клюнул меня лбом в плечо.

И тут я увидел Свету. На долю секунды, но совершенно отчётливо, так, как будто только о ней и думал. Она сидела в Серёгиной комнате на краю кровати, улыбалась, глядела снизу вверх, и была в одном белье.

Машину занесло на обочину. Я только что видел девушку своего друга.

– Куда прёшь-то? Ровное же место! Глаза разуй, едешь как крот! – заорал Серёга.

– А ты не лезь со своими картами. Едем и едем.

Серёга замолчал, наверное, надулся.

– Слушай, Серый, хочешь, скажу, о чем ты сейчас думал?

– Тут телепатом быть не надо. Как башку не проломить!

– Неа. О Светке. Так или нет?

Серёга, потирая лоб, уставился на меня.

– Ну, предположим…

– А сказать, о чём ещё? – я постарался улыбнуться как можно более плотоядно, но тут же рассмеялся, глядя на вытянутое лицо друга.

«И у неё бельё бирюзового цвета» – захотелось мне добить его, но я сжалился. Серёга хлопал глазами.

– Да расслабься! О чём тебе ещё думать, особь с тестостероном?

Снова поехали молча. Серёга думал о своём, я – о своём. Не каждый день такое увидишь. Это совпадение или что?

– Останови, – сказал Серёга.

Я остановился, подумав, что его укачало. С ним такое частенько бывало, с детства был животом скорбный. Серёга вылез из машины, походил кругом, зашёл спереди, сзади, сел обратно, выкинул какие-то грязные лопухи и вытер руки салфеткой.

– Это что ещё за ритуал? – спросил я.

– Номера тебе грязью замазал. На всякий случай.

– Серый, ты совсем ку-ку. Мы же не киллеры.

– Да пусть уж так. Спокойнее как-то.

Через минуту мы остановились у бетонного забора. Таб-

личка гласила, что тут строится торговый комплекс. За воротами тут же забрехали собаки, а потом и сами показались – овчарка с чёрной шерстью и огромная рыжая дворняга. Повезло, оба кобели. Я пошарил в кармане, вынул маленький пакетик, открыл, забросил в кусты через дорогу, а руки быстро протёр дезинфицирующей салфеткой. Один из псов взвыл, другой заскулил. Потом оба вылезли в подворотню и бросились мимо нас. Ворота были не заперты, и мы спокойно вошли на территорию чужого царства.

– Круто! – восхитился Серёга. – Что это было?

– Женский собачий гормон. Элементарно, Ватсон.

Из вагончика, зевая и ворча, к нам уже шёл крепкий толстопузый мужик в камуфляжке.

– Что, ребятки, заблудились? А собаки где? – он осмотрелся и свистнул. Псы затявкали где-то за территорией, но не явились. Охранник почесал шею и матюгнулся.

– Мы, собственно, по делу. Проверка кадров, – сказал я.

– Чё?

– Ищем одного человека, девушку. Вам ведь неприятности не нужны? Несовершеннолетняя, документов нет, сбежала из дому. – я посмотрел ему в глаза.

– А, нет-нет. У нас порядок. Недавно проверка была.

– Значит, плохо проверили.

– Идите-ка, ребята, домой, а завтра с начальством поговорите. Я тут только охраняю.

Глазки-то забегали. Наверняка, вечером вернулись все за-

ранее изгнанные элементы.

– Понятно, – сказал Серёга. – Паспорт с собой? А трудовая книжка? Надо протокол составить. Если человека обнаружат, сами понимаете – ответственность.

Мужик начал мяться.

– Так. Давайте вот что. Я проведу в бытовки, а вы сами всё поглядите. Я тут недавно, всех не знаю.

Мы пошагали к строительным вагончикам, прыгая через рытвины марсианского пейзажа. В первом все спали. Матрасы лежали прямо на полу, на них храпели мужчины. Во втором была та же картина. На всякий случай я пошарил лучом фонаря по углам. В третьем вагончике было опрятно и пахло нормальной едой, а не «Роллтоном». Это был домик женщин. Мы прошли одно убогое жилище за другим, и, наконец, изучили всех спящих или собирающихся спать обитателей.

– Ну вот, всё, – сказал охранник.

– А вон там чего свет горит? – спросил я.

– Ночная смена. Отделочники.

– Пошли.

– Нельзя на объект.

– Кому другому скажи. Нам везде можно, – отрезал Серёга. Даже я проникся уважением.

Серёга пошёл рядом с мужиком, я приотстал, разорвал другой пакетик и незаметно брызнул охраннику на ноги. Что-то он мне сразу не понравился.

На первом этаже слышались голоса и пахло едой. Несколь-

ко женщин трудились, скрепляя со стеной непонятные длинные панели, двое мужчин месили раствор, ещё один чего-то колдовал с уровнем. Остальные, человек пять, сидели возле плитки с кастрюлькой и ели из пластиковых тарелок.

Я замер. Ада стояла спиной ко мне и мазала мастерком стену. Она, видно, почувствовала мой взгляд, повернулась и тоже застыла.

– Пошли, – сказал я ей.

Она молчала. Люди смотрели на нас с интересом. Едоки перестали жевать.

– Собирай вещи и поехали.

– Нет. Я останусь, – тихо сказала Ада.

– Нет, не останешься.

Я шагнул, сгрёб её, и хотел уже потащить к выходу, но она извилась ужом и ловко вывернулась.

– Не смей, понял! Я работаю тут.

– Какая на хрен, работа! Нашла тоже мне… А ну-ка собралась по-быстрому и пошла!

– Не смей. Мне. Указывать.

Меня взбесило. Я за четыре дня облазил все злачные места, напряг друзей, забросил учёбу и работу, а эта мелочь сейчас изволит строить из себя чёрт-те кого и сверкать глазками.

– Эй, уважаемый! – обратился с сильным акцентом один из рабочих. – Видышь, дэвушка не хочэт. Хочэт здесь.

– Ну-ну, – сказал я. Схватил Аду за руку и потащил.

Она извернулась и укусила меня за запястье. Не то чтоб больно, но неожиданно. И прямо в мой выстраданный шрам. Я рефлекторно оттолкнул её. Она шлёпнулась задом в цементную пыль. Все развеселились. Я снова сгрёб её, на этот раз крепче, и пошёл было вон.

– Сзади! – крикнул Серёга.

Я метнулся в сторону, и лопата лишь задела плечо, а не опустилась на голову. Защитник с акцентом был настроен серьёзно. Другие тоже подступали.

– Чего тут! Тут не начальник! – кипятился обладатель лопаты. – Начальник утром, а пришли ночь. Ночь кто ходит? Девочка не хочет!

– Довольна, засранка? – тихо спросил я. – Смерти нашей хочешь?

Ада промолчала. Мы остановились, оценивая ситуацию. Трое мужиков и подлый охранник у входа пошли вокруг кругами как волки. Ещё двое парней, сидящих у кастрюльки, по-видимому, раздумывали, что лучше – повеселиться с ними или довершить трапезу. Женщины наблюдали, перешёптывались, но вмешиваться вроде не собирались. Мужчины были настроены решительно – первый прямо сросся со своей лопаткой, второй прихватил какую-то жердину, третий сжал кулаки. Народ тёмный, раздумывать долго не будут. Ещё бы, хоть какое-то развлечение!

Возле нас стояли две старые школьные парты, заляпанные краской и цементом, и несколько стульев возле них. Мы от-

ступили к ним.

– Слушайте, эта девочка сбежала, она пойдёт с нами. А то будут неприятности, – сказал Серёга.

Как о стену горох. Сейчас будут бить, и сильно.

– Серёга, – сказал я негромко, – Не выпускай её.

И сунул ему Аду. В следующую секунду я сделал то, чего в жизни не делал. Я даже помыслить не мог, что решусь на подобное. Я схватил стул, запустил в толпу, воспользовался замешательством, схватил другой стул, дико заорал и кинулся на парня с лопатой. Тот не ожидал такого поворота, метнулся в сторону, запнулся о кабель и упал бы, если бы я не схватил его. Свободной рукой я подхватил с парты что-то острое и приставил ему к глазу. Это оказался кусок толстой проволоки. Не самое лучшее приобретение.

– Глаз выткну, понял? А ну, все по местам. Лопату брось, быстро! Завтра вам устроят Кузькину мать, сам приеду и раздолдоню. По местам, сказал!

Народ сразу сник. Серёга разинул рот. Охранник попытался обойти меня сзади, но я слегка нажал на глазное яблоко, парень взвыл, я бешено глянул, и он отступил. Мы снова рванули по рытвинам стройки. Впереди Серёга с Адой, которая больше не сопротивлялась. За ними – мы с рабочим, причём я неудобно держал его ладонями за голову и не переставал прижимать проволоку к глазу. Охранник, тряся пузом, прыгал позади. Пробегая мимо вагончиков, Ада вдруг отделилась от Серёги. Я, было, запаниковал, но она нырну-

ла в дверь и тут же вылезла с двумя пакетами. Предусмотрительная девочка, вещички не забыла.

Наконец, мы достигли ворот.

– Серёга! Возьми ключи в кармане, садись за руль, заводись. Ада, на заднее сиденье!

Машина затарахтела. Я, не выпускал мужика. Охранник кинулся к себе в будку и выскочил, сжимая в руках что-то чёрное. Мы тронулись. Я влез спереди, но не закрыл дверцу и держал парня за волосы, бросив проволоку на землю. Сначала он пошёл шагом, что-то быстро говоря на непонятном языке, потом побежал. Мы набрали скорость, и я отпустил его. Человек, над которым я одержал первую в жизни победу, неожиданно закончил свою тираду чистым русском матом и исчез в кустах.

Позади нас раздался выстрел, потом второй.

– По колёсам метит, гад, – проворчал Серёга и поднажал.

И тут позади нас раздался радостный собачий лай и ругань охранника. Стрелять он больше не стал, видно стало не до этого. Мы понеслись обратно по избитой грунтовке, болтаясь из стороны в сторону, как медузы в шторм. Адреналин просто фонтанировал. Я глянул на Серёгу. Тот вцепился в руль побелевшими пальцами и глядел на дорогу, вытаращив глаза и оскалившись в жуткой ухмылке. Ни дать, ни взять, Джокер вышел на охоту.

– Серый, ты как? – осторожно спросил я.

– Всё норм!

Да он как под кайфом! Кошмар какой.

Я оглянулся и поглядел на Аду. Вот уж у кого нервы железные. Она прижимала к себе свои узлы и была спокойна как удав. Хотя чего с неё взять, с ненормальной.

Зазвонил телефон и я стал судорожно шарить по карманам.

– Эй! – сказал Тимур. – Вы как?

– Веселимся вовсю, – ответил я.

– Сейчас вообще плясать будешь! Нашёл я твою сикуху! В ночном клубе отловили. Наелась какой-то дряни, теперь думает, что она племянница мэра. Прикинь, так всем и говорит!

– Да? И где она сейчас?

– Да как где… в обезьяннике конечно! Буйная такая, сам видел! И говорит так пафосно!

– Тимур, это не она.

На том конце повисло молчание.

– Да копия! И зовут – Адель!

Рядом с собой я услышал странное кудахтанье. Машина вдруг остановилась. Серёга смеялся истеричным захлёбывающимся смехом.

– Эй, что там такое? – насторожился Тимур.

Только сейчас я заметил, что включена громкая связь. Серёга просто помирал.

– Скажи ему… скажи… Герыч, что мы эту тоже забираем. Ну, типа… чтоб им не скучно было! Будут на пару жрать

экстази и плитку класть! Это ж готовое шоу! Мы к ним ещё этого лешего с лопатой запустим! Пусть с ним говорят… пафосно!

– Идиоты, вы что там творите? возопил Тимур.

– Тимур, это не она, правда.

– А тогда эта кто?

– Племянница мэра! крикнул Серёга мне в ухо и снова закудахтал.

– Вашу мать, – сказал Тимур и отключился.

На заднем сиденье я услышал странные взвизги, будто кто-то гоняется за курицей. Ада неистово смеялась на пару с Серым, захлёбываясь и сложившись пополам. Господи помилуй, какие придурки! Может, их стукнуть?

И тут меня захлестнуло. Я никогда так не смеялся – до рези в животе, до одышки, до слёз в глазах. Я хохотал и хохотал, и рядом в такой же истерике крутило Серёгу и Аду. Мы ржали как полные психи, забыв обо всём, пока силы не оставили нас. И тогда мы почти одновременно расслабленно откинулись. Серёга неистово икал, Ада ещё издавала короткие и высокие гортанные звуки – то ли «у», то ли «о», у меня саднило всю глотку и хотелось пить и кашлять.

15

Город был пустынен и тих. Когда мы подъехали к Серёгиному дому, была уже глухая ночь. Я посмотрел вверх. На пя-

том этаже в маленькой хрущёвской кухоньке горел свет. Она ждала его. Я вспомнил светловолосую девушку, розовую в бирюзовом, и улыбнулся, радуясь сам не зная чему.

– Ну, пока, бродяга, не сбегай больше, – сказал Серёга Аде. – Давно я так не оттопыривался, аж живот болит.

Он ушёл. Я сел на водительское место. Мы сидели и молчали. Потом я тронулся и неспешно повёл машину по пустынным улицам.

– Не надо было меня забирать, – тихо сказала Ада.

– Там тебе не место.

– А ты знаешь, где моё место?

– Нет. Но не там.

– Герман, я должна уйти.

– Я уже это слышал.

– Зачем ты меня искал?

Я пожал плечами. И впрямь, если подумать – зачем?

– Я всё равно уйду.

– Захочешь – иди. Никто тебя не держит. Но пока… подожди немного.

– Зачем? – спросила она шёпотом.

– Так уж. Потому что я прошу.

Потому что, пока я не выясню что ты за явление, хрен ты от меня отвяжешься – подумал я. Зря что ли такие деньги извёл и время потерял!

Она замолчала и стала смотреть в темноту. В зеркале заднего вида я видел тонкое лицо. Мне снова стало жаль её. Как

бездомного кота.

– Я не поеду к тебе в квартиру. В квартиру твоей мамы. Извини. Я не хочу туда, понимаешь? Чего молчишь?

– Я тебя услышал. Ты не хочешь в квартиру моей мамы. Хорошо. Только Герасима жалко, будет сегодня скучать. Но корм у него есть, до завтра хватит.

Я резко развернул машину на триста шестьдесят градусов и поехал обратно. Мы снова выезжали из города.

– Куда ты едешь?

– Отвезу тебя в лес. Живи там. Ты дикая, там тебе самое место.

– Вези, всё равно.

Да уж понятно, ничем тебя не прошибёшь. Я снова глянул в зеркало. Ада так же равнодушно глядела в окно.

– Я увезу тебя в *мой* дом. Не боишься?

Ада только хмыкнула и поджала губы.

– А зря. На самом деле я принц. У меня мрачный замок на гранитном утёсе, и штормовые волны разбиваются о его стены.

– Кругом Волга и глина с песком, – проворчала Ада.

– Не, вот что за молодёжь пошла! Романтики ни на копейку. Хоть бы подыграла! У меня сегодня приключений в один день было, как у людей за всю жизнь не бывает, а она тут про глину. Тьфу!

– Ладно, замок так замок. Мне один хрен, – сказала она еле слышно.

Вот и поговори с такими. Завтра снова сбежит. Ладно, что мог, то сделал. Осталось только рискнуть и спросить. Не сейчас. Сначала домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.